

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ЮЛИЯ ЗАЙЦЕВА

РОССИЯ
В СИБИРИ:
ОТ ЕРМАКА
ДО ПЕТРА

СИБИРИ

Алексей Иванов

Дебри

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванов А. В.

Дебри / А. В. Иванов — «АСТ», 2017

Роман Алексея Иванова «Тобол» рассказывает о петровской эпохе в истории Сибири. В романе множество сюжетных линий. Губернатор перестраивает Сибирь из воеводской в имперскую. Зодчий возводит кремль. Митрополит ищет идола в чудотворной кольчуге Ермака. Пленный шведский офицер тайно составляет карту Оби. Бухарский купец налаживает сбыт нелегальной пушнины. Беглые раскольники готовят массовое самосожжение. Шаман насыляет демонов тайги на православных миссионеров. Китайский посол подбивает русских на войну с джунгарами. Ссылный полковник, зачарованный язычницей, гонится за своей колдовской возлюбленной. Войско обороняет степную крепость от кочевников. Эти яркие сюжеты выстроены на основе реальных событий сибирской истории, и очень многие персонажи – реальные персоны, о которых написаны научные исследования. Об этом – книга Алексея Иванова и Юлии Зайцевой «Дебри». «Дебри» – историческая основа романа «Тобол». А ещё и рассказ о том, как со времён Ермака до времён Петра создавалась русская Сибирь. Рассказ о том, зачем Сибирь была нужна России, и какими усилиями далось покорение неведомой тайги. «Дебри» – достоверное повествование о дерзости землепроходцев и воровстве воевод, о забытых городах Мангазее и Албазине, об идолах и шаманизме, о войнах с инородцами и казачьих мятежах, о пушнине и могильном золоте, о сибирских святых и протопопе Аввакуме, о служилых людях и ссылных бунтовщиках, о мамонтах и первых натуралистах. Сибирская история полна страстей, корысти и самоотверженности. И знать её надо просто потому, что мы русские.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Иванов А. В., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	7
Восхождение над Сибирью	10
Исполинство от рожденья	13
Сибирская конкиста	18
Под властью воевод	24
Служилые люди	28
Двери Сибири	32
Соболиный ливень	35
Мангазея златокипящая	38
Добыть и покаяться	41
Иностранцы	44
«Дух дурения»	48
Первосыльный неодушевлённый	52
Таможня берёт добро	55
Святыни басурман	58
«Охота к подданству»	61
Призрачное ханство	63
Город в тайге	65
Самый упрямый	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алексей Иванов, Юлия Зайцева Дебри

© Иванов А.В.

© Зайцева Ю.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пролог

За одно столетие русские землепроходцы присоединили к России всю Сибирь: от кряжей Урала до вулканов Камчатки, от побережья Ледовитого океана – «Дышащего моря» – до ледяных вершин «Крыши мира».

Маленькими отрядами по тридцать – пятьдесят человек они отважно выходили на terra incognita, словно в открытый космос. Никто из них не знал, что скрывается там, за поворотом, потому что эти грубые бородатые мужики, преданные государю вояки и вольные разбойники – сами себе хозяева, уже перешли пределы карт: с расчерченных листов шагнули на чистые страницы, чтобы кровью и потом нанести на них собственную географию. К началу XVII столетия территория современной России на три четверти была сплошным «белым пятном». Рисуй, сколько душе угодно.

В этих походах каждый преследовал свои цели. В конце XVI века к восточной окраине державы стекалось много разного народа. Были казаки с атаманами и десятниками на государственной службе; были купцы, почуявшие выгодный торг с инородцами; были «гулящие люди», которые сторонились царского ока, – вольные, без определённых занятий и прописки: в руках – ружья, в карманах – деньги, а на плечах – отчаянные головы.

Памятник основателям Иркутска

Была у них и официальная цель: «провесть новых землиц» и «привести их под государеву руку». Покорители Сибири не сомневались, что «добрым словом и пистолетом» они

убедят ещё неведомых им таёжных жителей в своей силе и в своём праве считать их землю своей: охотиться на ней, пахать её, добывать из недр серебряную руду и собирать для русского царя ясак собольими шкурками и прочей мягкой рухлядью. Дерзость увеличивала силы пришельцев вдесятеро, и отряды в полсотни казаков подчиняли целые лесные княжества, не считая это за чудо.

Первые русские землепроходцы – не учёные-натуралисты, бескорыстно мечтающие оставить свой след в научных скрижалях. Землепроходцы надеялись на государевы милости за меховые сокровища, добытые в новых краях, и на казённое пожалование за мамонтовы бивни; они жаждали наград за сведения о золотых и серебряных жилах и плодородных землях. Азарт покорителей подогревался предчувствием форта. И волновали воображение слухи, что где-то там, у Студёного моря, «лежит зверя моржа на две версты и больше», и песцов так много, что даже лыжи подбивают их шкурками, а на быстрых реках «по берегу рыбы, что дров». Государственное задание, личный интерес и авантюрная вера в райские кущи «там, где нас нет» запустили в XVII веке неуправляемое цунами российских землепроходцев.

А вслед за летучими отрядами охочих людей тяжело и властно шагала машина Российского государства.

Восхождение над Сибирью *Рождение Тобольска*

Казалось, что поход Ермака провалился. В боях татары перебили почти всю Ермакову дружину: в живых осталась только седьмая часть казаков. Сложили головы славные атаманы Иван Кольцо, Богдан Брязга и Никита Пан. Осенью 1584 года погиб и сам Ермак. Подмога с Руси так и не явилась. А сибирский хан Кучум ускользнул от казачьей сабли; он кочевал вдоль Иртыша, пылая жаждой мести. Матвей Мещеряк, последний атаман, собрал уцелевших товарищей и решил уходить из Сибири. Казаки оставили залитый кровью Искер – столицу Сибирского ханства, и городок занял царевич Алей, сын Кучума. Татары вернули себе всё, что отняли русские.

Но колёса истории вращались уже так, как закрутил Ермак Тимофеевич. Из Искера царевича Алея выбил хан Сеид-Ахмет, по-русски – Сейдяк. Он был из династии Тайбугинов – из царского рода, свергнутого с сибирского престола ханом Кучумом, властителем из бухарской династии Шейбанидов. Сибирские татары восстановили свою изначальную власть над Сибирью, которую два десятилетия назад узурпировали пришельцы из Бухары.

Тобольск

А на реку Туру в 1586 году пришёл отряд стрельцов под началом воевод Василия Сукина и Ивана Мясного. Воеводы заложили город Тюмень. По их указу «письменный голова» Данила Чулков с небольшим войском на стругах поплыл вниз по Туре и Тоболу к Иртышу. Напротив устья Тобола Чулков приглядел место для маленького острожка: высокий

мыс над заливным лугом поймы. Ратники Чулкова разобрали свои суда и соорудили из них «лодейный город» – временную ограду. Так в 1587 году был основан Тобольск.

От Тобольска до Искера, где сидел ханом Сейдяк, было 18 вёрст. Заливной луг назывался Княжьим, потому что здесь сибирские ханы любили устраивать лихие охоты с ручными ястребами. На этом лугу пять лет назад Ермак и разбил полчища Кучума. Длинный крутой обрыв (ступень речной террасы), ограничивающий луг, назывался Алафейскими горами; «алафага» означало «коренная ханская земля». И на этой исконно татарской земле опять обосновались упрямые русские. Рано или поздно хан Сейдяк должен был снова напасть на них, чтобы изгнать окончательно.

ТОБОЛЬСК – РАЙОННЫЙ ЦЕНТР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.
ГОРОД НЕ САМЫЙ БОЛЬШОЙ И, НАВЕРНОЕ, УЖЕ НЕ САМЫЙ
ЗНАМЕНИТЫЙ. НО ОН ДО С ИХ ПОР ХРАНИТ В СЕБЕ ВЕЛИЧИЕ
СТАРИННОЙ СТОЛИЦЫ.

ТОБОЛЬСК – КЛЮЧ К СИБИРИ, СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СИЛЫ,
ТОЧКА ОПОРЫ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ МОЖНО ПЕРЕВЕРНУТЬ
МИР. ЭТОТ ГОРОД ИЗБРАН ИСТОРИЕЙ.

Сейдяк замыслил привести своё войско к Тобольску якобы в запале ястребиной охоты. Охоту он устроил в честь гостей – казахского хана Ураз-Мухаммеда и «думного татарина» Карачи, визиря Кучума. Но Данила Чулков сам перехитрил Сейдяка. При виде охоты на лугу под острожком, он тоже затеял пир и пригласил Сейдяка с его гостями. Сейдяк принял приглашение, рассчитывая провести разведку острога, но попал в ловушку. Сотня татар вступила в острожек, а основное войско осталось снаружи. На застолье, по преданию, Чулков протянул Сейдяку чашу: «Выпей за здоровье, ежели не желаешь зла!» И Сейдяк от волнения поперхнулся. Казаки набросились на татар и всех повязали. А войско не рискнуло отбивать своих ханов. Ермак уже доказал сибирским татарам, что русские – сильнее, не стоит враждовать.

Чулков отослал пленников в Москву, и там их приняли весьма радушно: поселили в почёте и достатке, но в Сибирь так и не отпустили. А Тобольск уверенно пошёл в рост. Вскоре на месте «лодейного города» встала крепость с частоколами, башнями и Троицкой церковью, и мыс называли Троицким. Больше века на Троицком мысу будут жить властные сибирские воеводы.

Городок потихоньку разделился на две части. Наверху, на Алафейских горах, – крепость, усадьбы воевод, арсенал, амбары, тюрьма и гостинный двор для купцов. Внизу, на лугу, пересечённом мелкими извилистыми речками, – усадьбы горожан: казаков, стрельцов, ремесленников и купцов. Верхний и Нижний посады соединялись оврагами, по которым проложили дороги, – взвозами. Главным был Прямской взвоз, который вёл к острогу. В 1600 году за Иртышом на устье Тобола соловецкие иноки Логгин и Дионисий основали Зосимо-Савватьевский монастырь – приют для старых воинов.

Данила Чулков заложил свой маленький «лодейный город», чтобы взять под контроль Искер и сибирского хана. Однако с Руси по Тоболу в глубины Сибири покатился неудержимый поток истории: на восток пошли казаки, служилые, ссыльные лиходеи, промысловики, крестьяне, беглые холопы, купцы и «гулящие люди». И оказалось, что Тобольск зажал в кулаке хвосты трёх важнейших речных дорог: вверх по Иртышу – в калмыцкие степи и в Китай; вниз по Иртышу и вниз по Оби – в «златокипящую» Мангазею; вниз по Иртышу и вверх по Оби – на Енисей и на Байкал.

До похода Ермака Сибирь казалась мрачной, лешачьей и смертоносной страной, а после Ермака стало ясно, что эта земля – почти такая же, как Русь, только щедрее, просторнее и свободнее. И переселенцы двинулись «встречь солнцу» многими тысячами. На энер-

гии национального порыва и креп город Тобольск. Сторожевая застава превращалась в столицу бескрайней Сибири.

Решающим оказался 1590 год, когда Тобольск «стал быть собою»: его назначили «разрядным городом», то есть центром провинции – разряда, где сидит главный разрядный воевода и куда свозят подати и ясак. А в 1621 году была учреждена Тобольская и Сибирская епархия с центром в Тобольске, и это окончательно закрепило за городом столичный статус.

Тобольск обзавёлся неофициальным гербом с чёрными соболями. Семён Ремезов, сибирский гений XVII века, описал этот герб: «Под короною драгие звери, а посреди них стрела – державная гроза».

Исполинство от рожденья *Идея Ермака*

Их десять – десять русских городков, построенных в Сибири в первое десятилетие после Ермака и в последнее десятилетие XVI века: Верхотурье, Туринск, Пелым, Тюмень, Тобольск, Тара, Нарым, Сургут, Берёзов и Обдорск. Это созвездие освещает «Сибирь изначальную» – ту часть Сибири, которую Русь обрела по итогам Ермакова похода. И Ермак здесь – демиург, создатель мира, атлант, который держит русское небо над языческой тайгой.

Ермак стал сакральным атаманом так стремительно, что бывшие его соратники не успели даже состариться. Ермака почитали и свои, русские, и даже аборигены – инородцы. Причины почитания очевидны. Русских изумила божественная дерзость, с которой Ермак завоевал землю, равную по площади самой Руси. А сибирским инородцам легче было покориться не человеку, а герою, которого избрали небеса: с волей богов не спорят.

Поход Ермака превратился в миф. Мельчайшие события этого похода были перетолкованы так и сяк и преисполнились огромного значения, будто библейские притчи. Маршрут Ермака оброс преданиями: каждый холм и каждый поворот реки на этом маршруте стали связаны с каким-то событием.

Култ Ермака начал складываться сразу после гибели атамана, и основу его заложили не русские, а сибирские татары. По легенде, в последней битве при устье реки Вагай на Ермаке были надеты две кольчуги: одна своя, другая – подарок Ивана Грозного. Раненый Ермак бросился в воду, чтобы доплыть до струга, но тяжёлая броня утянула его на дно.

Татары утверждали, что тело Ермака всплыло в Иртыше через неделю после смерти – 13 августа 1584 года. Его случайно зацепил рыболовной сетью татарин Яныш, внук Бегиша, житель Епанчинских юрт. Епанчинский мурза Кайдаул опознал погибшего по двум «панцирям». Когда принялись их снимать, у покойника из носа и рта хлынула кровь, как у живого человека. Поражённый, Кайдаул послал гонцов во все окрестные селения, призывая приехать и посмотреть на тело Ермака, которое «точит кровь живу». Татары собрались отовсюду. Прибыл даже сам хан Кучум, заклятый враг Ермака.

Шесть недель тело Ермака лежало на священном помосте, и кровь всё текла из ран героя. Из капель этой крови родились яркие цветы жарки – сибирские маки. Над мёртвым Ермаком боялись пролетать птицы. Во снах Ермак являлся многим татарским, вогульским и остяцким князьям, и кое-кто из них просыпался безумцем. Наконец, Ермак привиделся царевичу Сейдяку – Сеид-Ахмету – и потребовал погребения. Ослушаться было страшно. В присутствии мусульманского абыза Ермака со всеми почестями похоронили под сосной рядом с кладбищем у селения Баиш. Героя почтили тризной, на которой принесли в жертву тридцать быков и десять баранов.

Могила Ермака возле Баишевского кладбища стала священной. Каждую субботу «бусурмане» видели, что над могилой загорается тихая свеча, а в родительский день встаёт огненный столб до неба. Земля с могилы Ермака исцеляла от болезней, и её ели как лекарство. Но муллы и князьцы настрого запретили сородичам рассказывать русским, где упокоен их герой. Эту тайну раскроет служилый человек Ульянов Ремезов только через 76 лет.

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ ВОЗДВИГНУТ В ТОБОЛЬСКЕ В 1839 ГОДУ. В ТО ВРЕМЯ ПАМЯТНИКОВ СТАВИЛИ ОЧЕНЬ МАЛО, А ПАНТЕОН «ГЕРОЕВ ИЗ НАРОДА» БЫЛ И ТОГО МЕНЬШЕ – ИВАН СУСАНИН ДА КУЗЬМА МИНИН. НА ОТКРЫТИИ МОНУМЕНТА ЕРМАКУ ПРИСУТСТВОВАЛ ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР. ЭТО БЫЛА ВЫСОЧАЙШАЯ ЧЕСТЬ, ОКАЗАННАЯ ИМПЕРИЕЙ ПРОСТОЛЮДИНУ.

От Ермака остались две кольчуги, и они славились как чудотворные; одну из них остяки принесли в дар идолу на Белогорском святилище. Знамя Ермаковой дружины хранилось в храме города Берёзова. В Тобольске в память о Ермаке построили часовню Ермаков Крест, а на том месте, где Ермаку явился Никола Можайский, возвели Никольскую церковь.

Памятник Ермаку в Тобольске

Всю важность Ермака для самоидентификации сибиряков раньше всех понял первый иерарх Сибири – епископ Киприан (Старорусенников). В 1620 году он возглавил только что созданную Тобольскую епархию. Киприан повелел составить синодик (список имён для поминовения) павшим казакам Ермака, а стариков-ветеранов Ермаковой дружины, которые к тому времени ещё были живы, Киприан распорядился собрать и расспросить – и непременно записать их «скаска». На основе этих свидетельств Савва Есипов, дьяк тобольского Софийского двора, в 1636 году написал летопись о походе Ермака.

Но самое главное слово о Ермаке сказал тобольский зодчий, картограф и летописец Семён Ремезов – сын служилого человека Ульяна Ремезова. Семён Ульянович работал как профессиональный учёный: собирал предания, читал старинные документы, посещал места событий. Свой труд он завершил в 1697 году. Эту повесть Семён Ремезов назвал «История Сибирская».

«ИСТОРИЯ СИБИРСКАЯ» РЕМЕЗОВА – ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ОНО МОДЕРНИЗИРОВАЛО ДРЕВНЕРУССКУЮ ЛЕТОПИСНУЮ ТРАДИЦИЮ. НО СОЗДАНО ОНО БЫЛО УЖЕ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ, КОГДА РОЖДАЛАСЬ СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОЭТОМУ ПРИ ВСЁМ МОДЕРНИЗМЕ КНИГА РЕМЕЗОВА ОКАЗАЛАСЬ АРХАИЧНОЙ И НЕ БЫЛА ВОСТРЕБОВАНА КУЛЬТУРОЙ РОССИИ, ОСТАВШИЕСЬ РЕГИОНАЛЬНЫМ ФЕНОМЕНОМ.

Она состоит из 154 новелл, и в основе каждой – микросюжет или важная мысль. «История» рассказывает и о походе Ермака, и о том, что случилось через много лет после гибели атамана. Семёну Ремезову помогали сыновья; с любовью и тщанием Ремезовы снабдили каждую новеллу иллюстрацией-миниатюрой. Получилось синкретическое повествование романного типа: сразу житие святого (агиография), история путешествия («хождение»), историческая хроника (летопись) и публицистическое обращение («слово»). Но неназванный идеал, на который ориентировался Ремезов, – Евангелие.

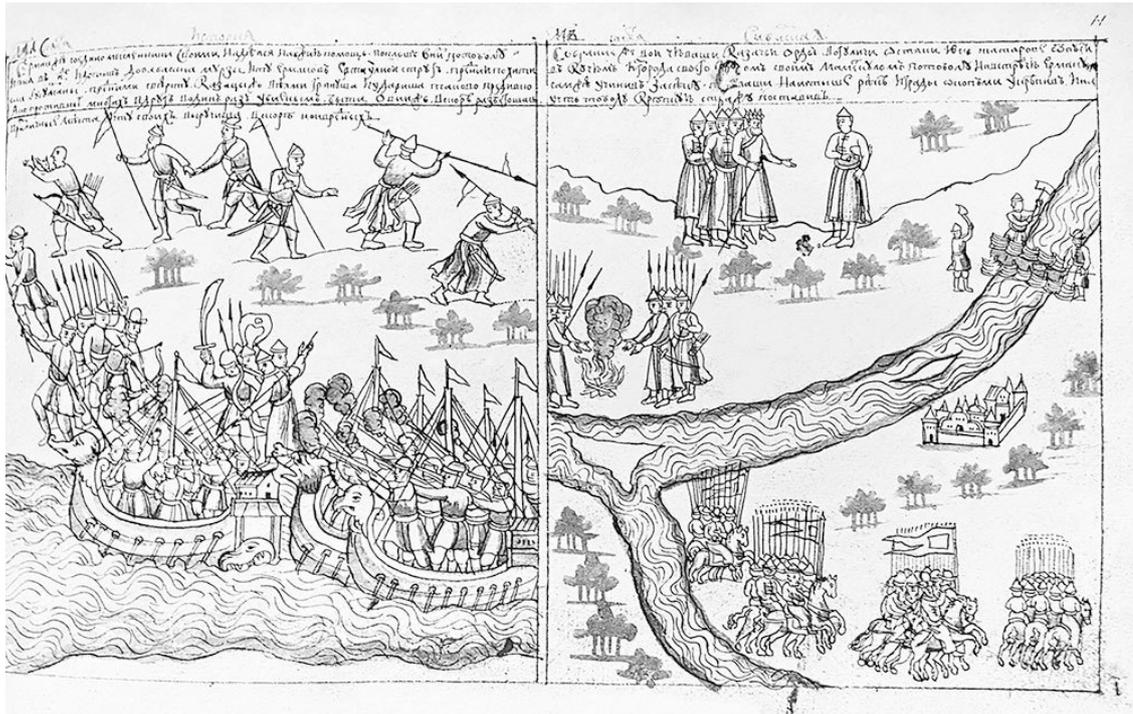

Рисунок из «Истории Сибирской»

«Исполнство бог даёт рабам своим от рожденья», – написал Ремезов о Ермаке. И Ермак в его повести – воистину Сын Божий. Он отмечен свыше. Он отважный воин, мудрый правитель и праведник, несущий во тьму Сибири свет Христовой веры. Ему сопутствуют чудеса: православные знамена сами собой летят мимо берегов, занятых воинами хана Кучума, а руки супостатов цепенеют в бою, и оружие ломается пополам. Его поход осеняют знамения: два мистических зверя дерутся друг с другом на острове посреди Иртыша, а во время сражения в небе появляется Христос, хватая татарские стрелы и швыряет их на землю. И Ермак приносит себя в жертву, как Иисус: перед последней битвой ему является Никола Можай и предупреждает о гибели, но Ермак не отказывается от своего дела. Для русского Сибирь важнее жизни – вот главная мысль Ремезова. И он воплотил её в образе мессии – в Ермаке.

Ремезов не провозглашал «сибирской идеологии». Он констатировал то, что уже было, и было давно. После Ермака в глубины Сибири двинулись сотни русских землепроходцев, и каждый из них видел себя Ермаком.

Сибирская конкиста *Землепроходцы покоряют Сибирь*

К началу XVII века русские уже освоили Обь и успели проведать пушного зверя в окрестностях города Мангазеи, тогда – главного опорного пункта Сибири. Охотников тянуло на восток к нетронутым местам и подальше от государевых сборщиков ясака. От обских хантов и селькупов русские узнали о реке Енисей (Ионесси). Поисковые экспедиции открыли четыре волока из бассейна Оби в бассейн Енисея, и за двадцать пять лет землепроходцы обследовали гигантскую реку со всеми притоками до её впадения в Ледовитый океан. В верховья шли на стругах и дощаниках, поднимаясь против течения на шестах или бечевой, к устью плыли на морских кочах под парусами. Рейды растягивались на годы. Победы над инородцами, богатый ясак и слухи о новых землях, полных сокровищ, давали силы преодолевать голод и холод, бороться с ледяными заторами, стремнинами и гнусом. Государственный контроль над территорией русские закрепляли строительством крепостей. Енисейский острог стал важным форпостом в Средней Сибири и базой для продвижения на Лену и на Байкал.

Башня Якутского острога

В 1620 году некий Пянда, «гуляющий человек» Енисейского острога, прознал от местных жителей, что к Нижней Тунгуске, притоку Енисея, подходит другая большая река – Лена (Елюнэ). На свои деньги Пянда набрал ватагу в сорок человек, построил струги и отправился на поиски фарта в огромные и непочатые охотничьи угодья неизвестной реки. Однако слухи на карте не нарисуешь, и маршрут по ним не проложить. В пути отчаянному отряду Пянды пришлось преодолевать завалы и пороги, отражать «огневым боем» набеги эвенков, пережить зимы. Только на третий год экспедиция Пянды перетащила свои струги на Лену и потом прошла по ней четыре тысячи километров.

В 1632 году енисейский сотник Пётр Бекетов с тридцатью казаками поставил на Лене Якутский острог. Тридцать казаков объявили Якутию российской – а Якутия по площади вдвое превосходит всю Западную Европу. Из Якутского острога русским удобно было совершать броски на север, к Студёному морю и на страшную Колыму, и на юг, к Амуру и Даурии.

ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ НА РЕКЕ ЛЕНЕ БЫЛ ЗАЛОЖЕН СОТНИКОМ ПЕТРОМ БЕКЕТОВЫМ В 1632 ГОДУ. ПО ПРЕДАНИЮ, ЯКУТЫ СОГЛАСИЛИСЬ ПРОДАТЬ РУССКИМ СТОЛЬКО ЗЕМЛИ, СКОЛЬКО МОЖНО НАКРЫТЬ БЫЧЬЕЙ ШКУРОЙ, – А РУССКИЕ НАРЕЗАЛИ ИЗ ШКУРЫ РЕМНИ И ОЧЕРТИЛИ ИМИ ОГРОМНЫЙ УЧАСТОК. МОЩНЫЙ ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ СТАЛ БАЗОЙ ДЛЯ ОСВОЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И КРАЙНЕГО СЕВЕРА. ВСЁ ОГРОМНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТ АМУРА ДО КОЛЫМЫ СЧИТАЛОСЬ ВОТЧИНОЙ ЯКУТСКОГО ВОЕВОДСТВА.

Строительство крепостей укрепляло русское государство, но не решало проблем сибирской анархии. Размер ясака не был определён, казаки драли его с местных по принципу «душа – мера». А меры не было. В суровый край приходили за богатством и прибылью, поэтому не останавливались ни перед чем. Воеводы хозяйничали без контроля, насаждая не цивилизацию, а собственный грабительский порядок. Никто не межевал земли между острогами, и порой казаки разных воевод схватывались за ясак друг с другом или брали его с аборигенов в двойном размере; как говорится, семь шкур сдирали. А ещё отнимали запасы мяса и рыбы, обрекая целые поселения на голодную зиму. Иностранцы протестовали, как могли, иногда даже осаждали русских. В осаду большого тысячного войска якутов однажды угодили и Якутский острог. Казаков спасло лишь то, что олениводы Полярного круга не привыкли к военным действиям и очень скоро сами ушли от стен крепости.

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ – РОДОНАЧАЛЬНИКИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ. КАЖДЫЙ СТАРИННЫЙ ГОРОД ЖЕЛАЕТ ИМЕТЬ СВОИМ ОСНОВАТЕЛЕМ КАКОГО-НИБУДЬ ГЕРОЯ СИБИРСКОЙ КОНКИСТЫ.

В ЧИТЕ ТАКИМ ОСНОВАТЕЛЕМ СЧИТАЕТСЯ СОТНИК ПЁТР БЕКЕТОВ, КОТОРЫЙ В 1653 ГОДУ УСТРОИЛ В ЭТИХ МЕСТАХ НЕБОЛЬШОЕ ЗИМОВЬЕ. И ПУСТЬ ЧИТА ПОШЛА НЕ ОТ ТЕХ ИЗБУШЕК БЕКЕТОВА – ФИГУРА ЗЕМЛЕПРОХОДЦА ВСЁ РАВНО ПОДКЛЮЧАЕТ ГОРОД К ИСТОРИИ.

Зимой 1641 года пятнадцать русских казаков под началом Михаила Стадухина, забыв про инстинкт самосохранения, отправились из Якутского острога в самую холодную точку планеты – на Оймякон. Два месяца люди и кони сражались с ледяными ветрами Сунтар-Хаята, ломались на курумниках, скользили на ледниках и только во сне видели горячее пламя костра, который в этих голых камнях казался волшебней, чем лампа Аладдина. Двужильные мужики Стадухина сумели выжить в этом трудном походе. Они собрали ясак с эвенков и якутов и открыли новые земли. На третий год они построили небольшой коч, по краю Ледовитого океана добрались до Колымы и поставили там первое русское зимовье для сбора дани.

Памятник Петру Бекетову в Чите

«Для прииску и приводу новых земель» воеводы Якутска рассылали отряды во все стороны света. От бурят русские узнали, что на юге есть огромное, как море, озеро Байкал (Лама), «вода в нём стоячая и пресная, а рыба всякая и зверь морской», и богаты те места серебряными рудами. Семьдесят пять суровых казаков атамана Курбата Иванова в июле 1643 года выбрались на жёлто-сине-зелёный берег Байкала и сняли шапки. Густое горное небо, рассыпчатый песок. Корявые кедрачи похожи на камлающих шаманов – стоят на двухметровых ходулях корней, из-под которых за триста лет уже выдуло почву. Казаки прошли вдоль Байкала шестьсот километров. Курбат Иванов составил первый чертёж озера, но не сумел вернуться домой – на этой райской земле он погиб в сражении с бурятами.

«ИДЕОЛОГИЮ» СИБИРИ СОЗДАЛИ ПОМОРЫ, ВОЛЬНЫЕ
КРЕСТЬЯНЕ РУССКОГО СЕВЕРА. НЕ ПОРАБОЩЁННЫЕ

КРЕПОСТНЫМ ПРАВОМ, ОНИ ОСВАИВАЛИ ПОБЕРЕЖЬЕ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ЗА ПРОЛИВОМ ЮГОРСКИЙ ШАР И ТАЁЖНЫЕ ПРОСТОРЫ ЗА «КАМЕННЫМ ПОЯСОМ». ПОМОРЫ И РУССКИЕ СЕВЕРЯНЕ УТВЕРДИЛИ ГЛАВНУЮ МОРАЛЬНУЮ ЦЕННОСТЬ СИБИРЯКА – ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ. ПОЭТОМУ ИСТОРИЯ СИБИРИ ОТКЛИКАЕТСЯ В УСТЮГЕ, МЕЗЕНИ, ТОТЬМЕ, ВОЛОГДЕ И ХОЛМОГОРАХ.

На восток русских гнали смутные сведения о Тёплом море. Первым его увидел казак Иван Москвитин в 1639 году. Весь путь от Лены до северо-западного берега Тихого океана отряд Москвитина прошёл за два месяца – технично и со спринтерской скоростью. В пути по таёжным рекам казаки дважды меняли плавсредства на более подходящие: дощаники перестроили в струги, с них пересели на большую байдарку. За два года отряд Москвитина исследовал почти всё побережье Охотского моря и открыл устье Амура.

Памятник землепроходцам и мореходам в Тотье

Вскоре после экспедиции Москвитина по Амуру с боями прокатился отряд «письменного головы» Василия Пояркова, пришедший с Лены. Вслед за ним к амурским волнам явился стрелецкий отряд Петра Бекетова; Бекетов пришёл уже с Байкала, и его маршрут ста-

нет частью великого пути из России в Китай. А потом на Амуре хозяйничал «промышленный человек» Ерофей Хабаров. Привольный Амур превратился в реку великой русской мечты.

Русские продвигались по Сибири, будто в темноте на ощупь, – по наитию. Не всегда им удавалось понять, где они очутились. И служилый человек Семён Дежнёв так и не узнал, что совершил великое открытие.

В сороковые годы XVII века дальние остроги и зимовья захлестнула моржовая лихорадка и слухи о пушной реке Анадырь. В 1648 году шесть кочей вышли из устья Колымы на простор Студёного моря и поплыли на восток вдоль немирных берегов Чукотки, надеясь попасть на устье Анадыря. А скалистый берег вдруг повернул с востока на полудень, и промысловики увидели бурный пролив. Через восемьдесят лет этот пролив назовут Беринговым. Сами того не ведая, русские мореходы нашли предел Евразии.

В проливе бушевал шторм. Он подхватил кочи и повлёл неведомо куда. Ураганым ветром судёнышки «разнесло без вести». Коч Семёна Дежнёва прибило к устью Анадыря, как Дежнёв и мечтал, а коч Федота Попова стихия забросила ещё дальше – на Камчатку. Попов сотоварищи стали первыми русскими, которые увидели дымы над вулканами. Через пятьдесят лет Владимир Атласов завершит открытие Камчатки и присоединит её к России.

Грандиозная сибирская конкиста заняла около столетия. В «бунташном» XVII веке, в погоне за вполне конкретными благами бытия, грубые и дерзкие землепроходцы сформировали географическое сознание русской нации.

Под властью воевод Воеводское управление Сибири

Ермак присоединил азиатскую Сибирь к европейской Московской Руси, и Московия с Сибирью образовала евроазиатскую страну Россию. Но Сибирь в России ещё не была русской ни по населению, ни административно. В течение семнадцати лет после разгрома Сибирского ханства новым регионом руководил Посольский приказ – Министерство иностранных дел той эпохи. Далёкая, неведомая и дикая Сибирь считалась чем-то чуждым.

В 1599 году Сибирь наконец-то передали Приказу Казанского дворца, который ведал землями покорённых инородцев за восточными границами былой Руси: упразднёнными княжествами черемисов, бывшими Казанским и Астраханским ханствами, Башкирией. И только в 1637 году царь учредил Сибирский приказ – государственный орган управления Сибирью.

Возглавлял его «судья»; «судье» подчинялись дьяки – начальники «столов» (или «повытий»); дьяки командовали подьячими. В первые годы в Сибирском приказе было пять «столов» (по числу «территорий»): Тобольский, Томский, Мангазейский, Енисейский и Ленский. Потом появились и «стола» по разным отраслям хозяйства: Казённый, Денежный, Купецкий и так далее. Драгоценным сердцем Сибирского приказа была Соболиная казна. Она аккумулировала привезённую из Сибири пушнину и продавала её в Европу. Руководили казной целовальники и «купчины» с добрым именем. Сибирский приказ назначал в Сибирь воевод и таможенных голов, устанавливал штаты и оклады, ведал обороной и снабжением края. Сибирский приказ существовал до 1763 года, хотя после учреждения губерний потерял административное значение и превратился, по сути, в одну Соболиную казну.

ДОМ ВОЕВОДЫ ПОСТРОЕН В СОЛИКАМСКЕ В 1688 ГОДУ. ЭТО ОЧЕНЬ РЕДКИЙ ЗА ВОЛГОЙ ОБРАЗЕЦ ДРЕВНЕРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО И ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА. ДОМ ИМЕЕТ ПОТАЙНЫЕ ВНУТРИСТЕННЫЕ КОРИДОРЫ С ЛЕСТНИЦАМИ И ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ, ВЕДУЩИЕ К ХРАМАМ И К БЕРЕГУ РЕЧКИ ЗА ПРЕДЕЛЫ СТЕН ГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ. ДОМ ВОЕВОДЫ ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ КАК ПРИКАЗНАЯ ИЗБА ДО УПРАЗДНЕНИЯ СОЛИКАМСКОГО ВОЕВОДСТВА В 1781 ГОДУ.

Главным человеком в Сибири был тобольский воевода. Уже в 1590 году вся Сибирь стала считаться «Тобольским разрядом», то есть «Тобольской областью», и тобольский воевода оказался высшим начальником. В 1607 году он получил государственную печать с короной, соболями и стрелами, а в 1660 году воеводам Тобольска дозволили вести собственную внешнюю политику: самим принимать и отправлять послов в восточные державы.

Дом воеводы в Соликамске

Тобольский воевода командовал воеводами во всех остальных городах Сибири. «Региональными администрациями» тех времён были приказные избы (в Тобольске – Приказная палата), где сидели дьяки и подьячие. В задачу воевод входило снабжение своей вотчины хлебом, сбор податей и ясака, разведка «новых земель», организация ямской службы, развитие торговли и контроль над инородцами. Воеводы были и судьями, и местными полководцами, и бухгалтерами, и администраторами. Вся служба была подчинена главной задаче: добывать царю богатства и следить, чтобы никто этому никак не препятствовал. Остальное – «по мере надобности».

Памятник воеводе Алексею Шеину в Азове

Служить в Сибирь отправляли минимум на два года. При назначении воевода получал от царя пространный «наказ» – инструкцию. Явившись на место, воевода объявлял «госуда-

рево жалованное слово» всем служилым людям, всем торговым людям и князьям инородцев. А потом уже можно было заниматься собственным благополучием, не забывая об интересах царя.

В Тобольск, Мангазею, Тару и Томск (а потом в Иркутск и Якутск) назначали двух воевод – старшего и младшего («товарища»). На сибирскую службу ехали представители самых знатных родов: Репнины, Бутурлины, Волконские, Голицыны, Шереметевы, Трубецкие, Салтыковы, Головины. Конечно, в таёжную тьмутаракань их влекли не нужды отечества, а нажива. Воеводы безбожно воровали пушнину – тем более что жалованья им не полагалось: они «кормились от дел». Воровство воевод стало дурной традицией, против которой цари особенно-то и не возражали. Но многие воеводы блюли приемлемую меру и принесли Сибири немалую пользу.

БОЯРИН АЛЕКСЕЙ ШЕИН СТАЛ ТОБОЛЬСКИМ ВОЕВОДОЙ В 27 ЛЕТ И ПРОБЫЛ В СИБИРИ ВСЕГО ДВА ГОДА. ПОТОМ ПРИ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ ОН ХОДИЛ В ПОХОДЫ НА КРЫМ, А ПРИ ПЕТРЕ ВОЗГЛАВЛЯЛ ВОЙСКА В ПОХОДАХ НА АЗОВ. ЗА ВЗЯТИЕ АЗОВА ПЁТР ПРОИЗВЁЛ ШЕЙНА В ГЕНЕРАЛИССИМУСЫ. ШЕИН СТРОИЛ МОРСКУЮ ГАВАНЬ В ТАГАНРОГЕ, ОТРАЖАЛ НАБЕГИ ТУРОК И ПОДАВЛЯЛ СТРЕЛЕЦКИЕ БУНТЫ. ОН УМЕР В 1700 ГОДУ В ВОЗРАСТЕ 48 ЛЕТ.

Основной проблемой поначалу была безопасность русских городов. Неугомонный хан Кучум рыскал по Иртышу, прицеливаясь, как напасть. В 1590 году воевода Кольцов-Мосальский разбил орду Кучума на реке Ишим и отогнал татар в степь, а в 1598 году воевода Бутурлин настиг Кучума в степи и разгромил окончательно. Татарская угроза развеялась.

Теперь следовало решить вопрос самообеспечения. Почти всё, что требовалось для жизни, в Сибирь везли из России: начиная от хлеба и соли и заканчивая топорами и ружьями. В 1613 году воевода князь Елецкий купил у калмыков на верхнем Иртыше солёное Ямыш-озеро; соляные караваны вдохнули в экономику Сибири новые силы, потому что без соли невозможно обрабатывать пушнину, выделывать кожи и производить порох.

На свой собственный хлеб Сибирь перешла благодаря воеводе князю Сулешеву. В 1624–1625 годах он провёл перепись городов и по «дозорным книгам» выявил бездельных людишек, которых можно было превратить в хлеборобов. Князь составил «Уложение боярина Сулешева» – свод правил и предписаний для развития Сибири. Сулешев организовал распашку пустых земель, отменил хлебное жалованье служилым людям и наделил их угодьями – пусть сеют и жнут (и платят подати). В результате производство хлеба в Сибири выросло в пять раз, и Сибирь начала кормить себя сама.

Наконец, в 1663 году воевода Хилков попытался уравнивать Сибирь с Россией и в отношении денег. Самоуверенные и свободолюбивые сибиряки не желали признавать такой экономической условности, как медные монеты. Хилков завёз бочки с медными копейками, полушками и пятаками, но это вызвало резкое удорожание серебра и всех товаров. Денежную реформу пришлось остановить. Там, где любой охотник приносил добычу сразу как валюту, медь не имела цены. Сибирь была уже русской, но жила наособицу.

Этот принцип – жить наособицу – актуален и сегодня.

Служилые люди

Сословие «служилых» в истории Сибири

Бурное XVII столетие – время вооружённых людей на государственной службе: в городах были стрельцы, на границах – казаки, а в Сибири – служилые люди. Сословие сибирских служилых по численности занимало второе место после государственных крестьян и было самым пассионарным классом в России «бунташного» века. Перепись 1710 года насчитала в Тобольске 4 735 повёрстанных служилых людей, а по Сибири в целом – 40 667 человек.

Они были не регулярной армией, а скорее командами вооружённых разнорабочих на службе у власти. Служилые подчинялись воеводе и делали всё, что тот прикажет «в государевых интересах»: собирали подати, возили указы и грамоты, сопровождали ссыльных, усмиряли бунты, ловили разбойников, ездили за солью на Ямыш-озеро, доставляли хлеб и прочие товары, оберегали границу в дозорах, ходили в военные походы, строили церкви и казённые здания, дощаники и кочи, охраняли разные посольства, ловили рыбу, промышленяли пушного зверя, возводили новые остроги и слободы. Например, тобольский воевода Годунов заставлял служилых людей «делать всякие плотнишные дела, церковные и хоромные и иные всякие зделья работать. Да их же заставил делать снасти варовые, судовые верёвки».

Воеводам было очень удобно иметь в подчинении такой «полуспецназ-полустройбат» и с его помощью решать не только военные проблемы, но и экономические. «Кормясь от дел», сибирские воеводы не различали, что в «службу», а что «в дружбу», и хозяйственных поручений для войска у них всегда имелось в избытке. Служилых людей для далёкой Сибири в основном набирали в Москве из казаков и стрельцов, и работа им была «не за обычай». Но за уклонение от трудов служилых наказывали батогами, кнутом, тюрьмой и вычетами из жалования. Воевода сам выбирал вид возмездия.

ГОРОД САЛЕХАРД СТОИТ ПРЯМО НА ЛИНИИ ПОЛЯРНОГО КРУГА. ОН БЫЛ ОСНОВАН НА БЕРЕГУ ОБИ В 1595 ГОДУ КАК ОБДОРСКИЙ ОСТРОГ. ЗДЕСЬ СЛУЖИЛИ СМЕННЫЕ КАЗАКИ-«ГОДОВАЛЬЩИКИ». ОБДОРСК КОНТРОЛИРОВАЛ ПУШНОЙ ТРАФИК ИЗ МАНГАЗЕИ И С ПРОСТОРОВ САМОЕДСКОЙ ТУНДРЫ ПОЛУОСТРОВА ЯМАЛ. ПОСТОЯННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОБДОРСКЕ ПОЯВИЛОСЬ ТОЛЬКО В 1635 ГОДУ.

Служилые могли жаловаться на воевод в Сибирский приказ или даже самому царю. Самыми частыми были «ябеды» на «посылки вне очередь», когда за одной длиннющей командировкой куда-нибудь к чёрту на рога сразу следовала вторая такая же. А поощрением были «посылки» в Москву с документами или ясачной казной, потому что попутно в столице можно было закупить дефицитные товары, чтобы потом с выгодой продать их в Сибири.

Памятник основателям в Салехарде

Служилые люди получали от казны жалованье деньгами, хлебом, солью и овсом для лошадей. Впрочем, каждый четвёртый служилый предпочитал, чтобы вместо жалованья его наградили бы «землёй и травой». Пашня и покосы приносили гарантированный доход, а жалованье могли задержать или недодать. Бывало, что в отдалённых острогах казаки сидели без платы по нескольку лет. Служилые искали дополнительный заработок. В свободное время они возделывали поля, занимались промыслами, держали мельницы и кузницы, торговали. В середине XVII века в Тобольске служилые люди составляли половину от общего числа купцов, ремесленников и охотников.

Юильский острог в музее Академгородка

Служить считалось престижным занятием, потому что оно давало более высокий статус по сравнению с крестьянами и посадскими. Самые опытные могли получить звания стольников или «детей боярских». Служилые имели много разных «чинов»: воротники, пушкари, затынщики, стрельцы, казаки – «беломестные», конные или пешие. В службу брали ссыльных иностранцев («черкасов», «литвинов» и «немцев»), которые дали присягу русскому царю, а также иноверцев – татар и башкир.

Имелись две основные категории служилых. «По прибору» – наёмники, повёрстанные по мере надобности. «По отечеству» – дети, внуки и правнуки тех служилых, которые когда-то приехали из России и осели в Сибири, обзаведясь семьями. Каждый уездный воевода имел свой отряд служилых.

Внутри сообщества царили порядки казачьей вольницы. Служилые исполняли приказы воеводы, но подчинялись своему выборному командиру – атаману или полковнику. Важные решения принимались на общем «круге», любой отряд имел собственную частную казну – «коробью».

ЮИЛЬСКИЙ ОСТРОЖЕК БЫЛ ОСНОВАН ЕЩЁ В XVII ВЕКЕ. ОН СТОЯЛ В ТАЙГЕ БЛИЗ РЕКИ КАЗЫМ, ПРИТОКА ОБИ. В XVIII ВЕКЕ ОСТРОЖЕК ЗАБРОСИЛИ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ. А В 1968 ГОДУ ОХОТНИКИ КАЗЫМА ПРИВЕЛИ УЧЁНЫХ К РАЗВАЛИНАМ БАШЕН И ЧАСТОКОЛОВ, КОТОРЫЕ УЖЕ ЗАРОСЛИ ДИКИМ ЛЕСОМ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭТУ ПОТЯСАЮЩУЮ НАХОДКУ ПЕРЕВЕЗЛИ В МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ВОЗЛЕ АКАДЕМГОРОДКА В НОВОСИБИРСКЕ И ВОССТАНОВИЛИ В ПЕРВОЗДАННОМ ВИДЕ.

Дважды власть пыталась модернизировать военное дело в Сибири. В 1659 году воевода князь Иван Хилков задумал завести «полки иноземного строя» – переделать служилых

в рейтаров и солдат по европейскому образцу. Для обучения были наняты иностранные офицеры. Но у Хилкова ничего не вышло: иностранцев оказалось мало, денег на содержание полков в казне не хватило, а воевали рейтары плохо. Через десять лет воевода Годунов решил выстроить по южной границе Сибири Засечную черту и заселить её остроги служилыми, сняв их с казённого довольствия. Однако Годунов не успел завершить свой проект: его отозвали после жалоб на самоуправство.

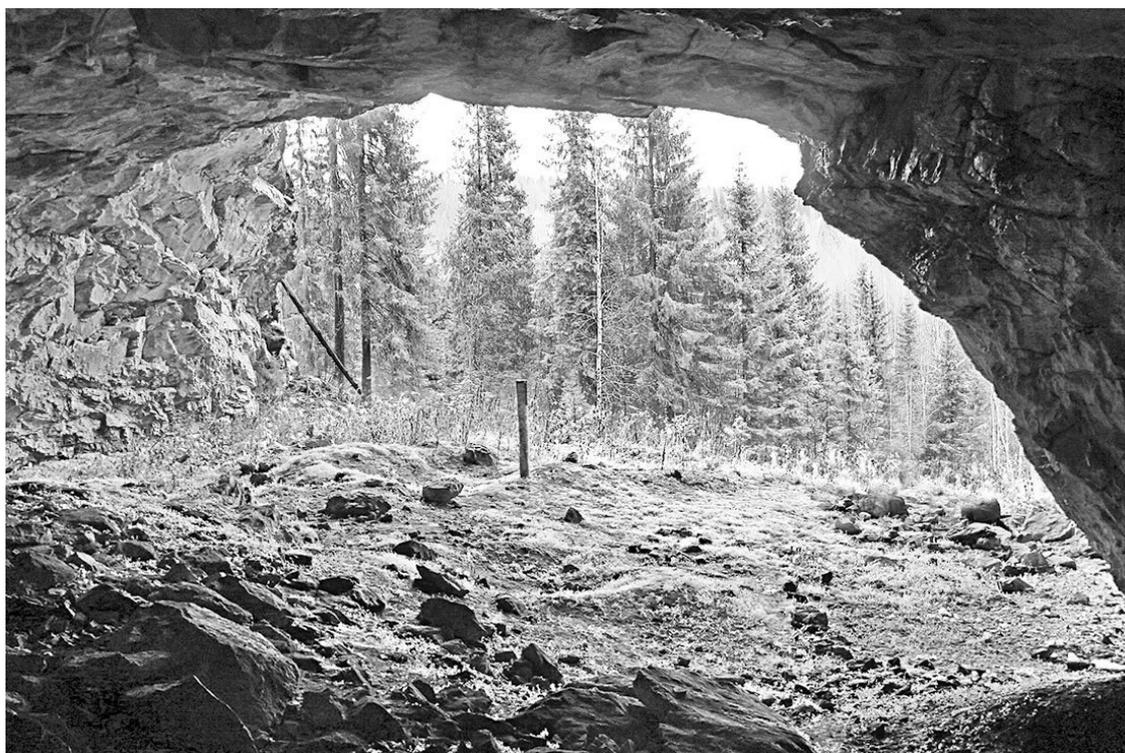
В полицейском государстве, которое будет создавать царь Пётр, сибирским служилым людям места уже не найдётся. В 1701 году Пётр упразднит стрельцов, а в Сибири сократят число служилых и уменьшат их жалованье. В 1706 году служилых обяжут учиться «экзерциции» – боевым перестроениям, прикажут носить «немецкое платье» и ездить в сёдлах немецкого образца. Но то, что немцу хорошо, сибиряку – смерть. Красивый немецкий камзол не согреет в сорокаградусный мороз, а в изящное немецкое седло в тулупе не втиснешься. И служилые закидают Сибирский приказ челобитными, умоляя оставить всё, как было прежде. Князь Гагарин, глава Сибирского приказа, разрешит пока сохранить русские порядки. Но позже, в 1713 году, став губернатором, он проведёт реформу тобольского полка и покончит с вольностями служилого сословия. Вместо служилых в Сибири появится регулярная армия – солдатские и драгунские гарнизонные полки.

Двери Сибири История Верхотурья

Московская Русь нуждалась в удобной дороге через Уральские горы в Сибирь. Маршрут Ермака был слишком тяжёлым и длинным. В 1595 году Борис Годунов призвал «охочих людей» отыскать новый путь, и вскоре такой путь нашёл посадский человек Артемий Бабинов из села Верх-Усолка. Рискуя жизнью, Бабинов выследил вогулов, которые ходили от городища Нёромкар на реке Туре через хребет в священную Чаньвинскую пещеру.

Страховидным идолам Чаньвы могли бы позавидовать лучшие боярские дочери столицы. Грубые истуканы были увешаны серебряными украшениями и наряжены в драгоценные сибирские меха. Много лет они дремали в сырой пещере, принимая подарки, и ожидали смерти, потому что в вещих снах видели, что тайная тропа к их святилищу однажды станет главной дорогой через Урал. И по ней в угоду своему ненасытному московскому богу русские повезут песцов и соболей уже не связками, а караванами в сотни телег.

В награду за дерзость Бабинов получил от государства собственный бизнес. Воевода велел ему обустроить новую дорогу и разрешил взять её в «концессию». Артемий Бабинов оказался отличным менеджером. Он собрал артель из сорока мужиков, и они всего за три года построили тракт длиною почти двести вёрст: от Соликамска до реки Туры прорубили просеку в тайге, поставили мосты через речки, засыпали ямы и проложили гати на болотах. И по Государеву Сибирскому тракту за Урал двинулись стрельцы и купцы.

Чаньвинская пещера

На месте языческого Нёромкара в 1598 году был поставлен русский город Верхотурье, куда перевели служилых людей из Лозьвинского острога. На Троицком мысу над Турой воевода Василий Головин построил крепость и Троицкую церковь. Под защитой крепости поселились ямщики с семьями – так образовалась Ямская слобода; ямщики работали на тракте за

казённое жалованье. В Верхотурье учредили таможенную и «великий гостиный двор», который стал центром торговли с иностранцами и купцами с Востока.

На два десятилетия Верхотурье превратилось в главный город Зауралья. Через Верхотурье хлебом и всеми прочими припасами снабжались Тюмень, Тобольск, «златокипящая» заполярная Мангазея и другие сибирские города.

Дальнейший путь в Сибирь шёл по рекам: Тура – Тобол – Иртыш – Обь. Верхотурье было перевалочной базой и речным портом. Здесь воеводы и купцы, охая, подсчитывали синяки, заработанные на ухабах Бабиновской дороги, и перегружали грузы с тряских телег на дощаники и кочи. Сотни судов для речных караванов, уплывающих в тревожные глубины Сибири, строили неподалёку от Верхотурья в деревне Меркушино, где располагалась главная верфь – «плотбище». Согласно указу, суда делали «совсем наготово, чтоб в Тоболску к тем судам никакие поделки и прибавки не было».

БОЛЬШАЯ ПЕЩЕРА В СКЛОНЕ ГОРЫ НАД РЕЧКОЙ ЧАНЬВОЙ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ КАК СВАТЫЛИЩЕ НЕ МЕНЬШЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ. ВО ВРЕМЕНА ЕРМАКА ЗДЕСЬ СТОЯЛИ ИДОЛЫ ВОГУЛОВ – НАРОДА МАНСИ. ПОСЛЕ ТОГО КАК ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ АРТЕМИЙ БАБИНОВ РАСКРЫЛ ТАЙНУ ПЕЩЕРЫ, СВАТЫЛИЩЕ ЗАБРОСИЛИ. ПОСЛЕДНИХ ИДОЛОВ ДРЕВНЕЙ ЧАНЬВЫ ПОРУБИЛ И СЖЁГ СВАТЫЦЕННИК ИЗ СЕЛА ВЕРХ-БОРОВОЕ.

В 1699 году Пётр приказал перевести основные постройки Верхотурья в камень. Словно по государеву повелению, в городе вскоре забушевал пожар; огонь смёл старый деревянный острог, расчистив место под новый кремль, иметь который столице Зауралья полагалось по статусу. На Троицком мысу заложили игрушечную крепость с башенками и низкими стенами, на которых в ряд важно топорщились зубцы «ласточкин хвост». Но вскоре Пётр запретил в державе каменное строительство, и «кремль» остался «внедоделке».

Верхотурье

Богатому Верхотурью было за что благодарить бога; свою десятину город исправно платил новыми часовнями и церквями. В 1703 году митрополит Филофей благословил возведение Троицкого собора. За шесть лет над городом поднялся пятиглавый храм с тонкой шатровой колокольной, весь в фигурном узорочье радостного стиля «сибирское барокко».

Но Бабиновская дорога постепенно теряла своё значение. В 1703 году зодчий Семён Ремезов и корабелы из Меркушино построили пристань Утку, и на реке Чусовой начнёт неудержимо набирать силу новый транспортный поток «железных караванов». В 1721 году казанским татарам и уфимским башкирам будет разрешено ездить на Ирбитскую ярмарку через Уктусский завод, а не через Верхотурье. В 1753 году в России вообще упразднят все внутренние таможи, и понятие «государева дорога» исчезнет. Движение грузов за Урал переориентируется на новый Сибирский тракт Казань – Кунгур – Екатеринбург – Тобольск. Верхотурье окажется в стороне от основной магистрали. У города останется лишь один ресурс для жизни – культ праведного Симеона. К середине XVIII века Симеон Верхотурский станет самым почитаемым святым горнозаводского Урала, и десятки тысяч паломников возродят экономику города.

ВЕРХОТУРСКИЙ ОСТРОГ ОСНОВАН НА МЕСТЕ ВОГУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА НЁРОМКАР. СИБИРСКИЙ ТРАКТ И КУЛЬТ СВЯТОГО СИМЕОНА ПРЕВРАТИЛИ ВЕРХОТУРЬЕ В СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДОК С ЦЕРКВЯМИ И КОЛОКОЛЬНЯМИ. В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ВЕРХОТУРЬЕ, ОКРУЖЁННОЕ ЗОНАМИ ГУЛАГА, ПРИШЛО В ЗАПУСТЕНЬЕ. СЕЙЧАС ВЛАСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПЫТАЮТСЯ ВОЗРОДИТЬ ЕГО И ПРЕВРАТИТЬ В «ДУХОВНУЮ СТОЛИЦУ» УРАЛА.

История распорядится так, что Верхотурью за ненадобностью придётся снять с петель кованые ворота главной государевой таможни, но царские врата верхотурских церквей переживут торговлю и останутся стоять на века.

Соболиный ливень **Пушной промысел в Сибири**

До середины XVIII столетия в России не было открыто ни одного своего золотого месторождения, а без драгметалла финансовая система государства существовать не может. Всё русское золото было покупное, иностранное. Приходилось получать его в обмен на какие-то товары или продукты.

Самым востребованным в Европе русским товаром оказалась пушнина, «мягкая рухлядь». До завоевания Сибири русские добывали пушного зверя на севере – на Сухоне, Двине, Пинеге, Вычегде, Мезени, Печоре, Каме. Для Руси меха были «тем золотом, что не блестит». До середины XVIII века пушнина служила главной статьёй русского экспорта.

Но Сибирь была куда богаче «мягкой рухлядью», чем Русский Север. Однако первыми это поняли азиаты, а вовсе не русские. По преданию, сама Зубайда, жена халифа Гаруна аль-Рашида, ввела обычай носить шубы, подбитые соболями из Сибири – «Страны Мраков». И первыми в Сибирь проникли не московиты, а бухарцы. В самом конце XIV века мусульманские проповедники и войско некоего хана Шейбана явились на Иртыш к сибирским татарам. В тайгу пришёл ислам. А вслед за воинами и шейхами потянулись и купцы. Они наладили регулярные поставки сибирских мехов в Бухару. Чтобы превратить Сибирь в колонию, бухарский хан Абдаллах II направил в «Страну Мраков» хана Кучума с «ограниченным контингентом». В 1563 году Кучум сверг сибирского хана Едигера и подчинил Сибирское ханство себе, то есть Бухаре. Поток пушнины хлынул в Среднюю Азию.

Поход Ермака был не просто завоеванием территории, а борьбой за стратегический ресурс. В 1582 году атаман Ермак разгромил хана Кучума, и вскоре сибирский пушной трафик был решительно перенаправлен с юга на запад: вместо Средней Азии – на Русь. На Иртыше Москва победила Бухару, и Россия обрела источник валюты, который казался тогда бездонным. Даже просвещённые европейцы поверили в сказку, будто над Сибирью ходят удивительные тучи, из которых на землю потоком валятся пушные звери.

В диких дебрях тайги русская власть принялась наводить свои порядки. Добычей «мягкой рухляди» в стране соболиных ливней занимались русские промысловики-добровольцы и местные инородцы. Столицей промысла стал город Мангазея, построенный на месте тайных поморских факторий.

Пушнина приносила фантастические прибыли, поэтому государство установило строгий порядок добычи. Его жёстко контролировали воеводы. Уже в начале XVII века на всех дорогах из Сибири в Россию и в центрах промысла были учреждены заставы для сбора налогов с промысловиков. Появились караулы на реках Киртась, Собь, Казым и Куноват, таможни в Верхотурье, Тюмени, Тобольске, Сургуте, Берёзове и Обдорске. Однако народ в Сибири был отчаянный, ведь в эту глушь приходили как раз те, кому в державе оказалось тесно. Фронтир жил по принципу «закон – тайга»: нахрап, браконьерство, воровство, контрабанда, а то и смертоубийство.

Бабр – символ Иркутска

У охотников сложилась особая суровая культура промысла, появились своя этика, свои приметы и поверья. Например, считалось, что бобры бывают двух видов: «бояре» и «холопы». На охоте брать надо только «бояре», потому что они толстые и с пышными шкурами, а «холопы» – тощие и потрёпанные. Была своя промысловая терминология, непонятная чужакам: какие-то «пупки», «подчеревеси», «гагче ярцы», «недокуни» и «недопёски». Волчий хвост назывался «полено», лисий – «труба», медвежий хвостик – «пых».

БАБР – ИСЧЕЗНУВШЕЕ НЫНЕ ЖИВОТНОЕ, ВИДИМО, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОДА КОШАЧЬИХ, КРУПНЫЙ СТЕПНОЙ БАРС. АКАДЕМИК РЫЧКОВ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА ОПИСЫВАЛ БАБРА КАК «ОТРОДИЕ ТИГРА». ЛЮДИ ПОЛНОСТЬЮ ИСТРЕБИЛИ БАБРОВ К НАЧАЛУ XIX ВЕКА.

Промысел являлся главной статьёй получения пушнины. Второй статьёй был ясак – пушной налог с инородцев. Ясак назначали всем мужчинам от 14 до 60 лет. Учтённым и взятым под присмотр охотникам ясак назначали «окладной» – фиксированный. Размеры его зависели от местных условий. У кочевых инородцев, которых власти не могли контролировать, ясак считался «неокладным» – брали, сколько дадут. Кроме того, существовали «поминки» – дань государю, воеводам, дьякам, сборщикам, переписчикам и вообще всем, кто выступал от лица власти. Поначалу «поминки» были делом добровольным, а потом превратились в обязательный второй «оклад».

Третьей по значимости статьёй получения пушнины стала скупка мехов у инородцев. На эти торговые операции с XVII века была установлена государственная монополия. За её нарушение жулика били кнутом, сажали в тюрьму на пять-шесть недель и отбирали у него всё имущество. Купцы могли покупать пушнину у инородцев лишь в установленные дни в специальных местах: на официальных ярмарках под присмотром приказчиков.

Конъюнктура пушнины была вопросом сложным и тонким: следовало учитывать динамику поголовья зверя и вообще экономический баланс территории. Например, расчёты были

такими: пуд табака = 10 красных лисиц = 5 бобров = 44 моржовых бивня. Или: 2 белки = фунт соли; 6 белок = горноста́й; 8 белок = пуд муки; 25 белок = соболь. Или: волк = полторы лисицы = 7 оленей = 70 белок = 175 зайцев. Или: чёрно-бурая лиса = полторы бурых = 3 седых = 3 красно-бурых = 15 соболей = 20 выдр = 24 росомахи = 150 песцов = 450 горностаев. Главными мехами Сибири считались соболь, горноста́й, куница, чернобурка, бобр и рысь. А в середине XVIII века, когда пушные богатства начали истощаться, в цену вошли песок и белка.

Добыча пушнины и торговля пушниной постепенно разделились. Зверя били промысловики, которые жили при острогах и охотились в своих угодьях с зимовьями, а шкурки у промысловиков скупали купцы, которые с охраной объезжали остроги, держали при ярмарках подворья и снаряжали караваны по Государеву тракту. Торговые обороты росли стремительно, и довольно быстро сформировался общесибирский рынок.

Купцы из России ехали в Верхотурье, где сибирские купцы продавали излишки, не пропущенные таможеней. Иностранцы везли меха в Тобольск, куда приходили караваны из Туркестана. Тобольск и Верхотурье ожесточённо спорили, кто из них возьмёт пушнину под контроль; в 1667 году войско тобольского воеводы Петра Годунова два месяца осаждало Верхотурье, где держал оборону воевода Иван Колтовский – так два города делили ресурс. А китайцы покупали меха в Нерчинском, Селенгинском и Иркутском острогах.

Верхотурье и Тобольск не заметили, как под боком у них потихоньку окреп конкурент – Ирбитская ярмарка. Ирбитская слобода была основана на Верхотурском тракте (Верхотурье – Тобольск) в 1631 году. Через 12 лет слобожане учредили у себя ярмарку. Её промежуточное положение между двумя мощными казёнными торгами оказалось очень выгодным. Казённые приказчики и таможенные служители здесь «не стояли над душой» у купцов, своя рука была владыка, а цену определял спрос, а не воеводская корысть. К началу XVIII века Ирбитская ярмарка по своим оборотам уже неудержимо догоняла знаменитую Макарьевскую ярмарку под Нижним Новгородом.

Каждый январь в Ирбитскую слободу съезжались сотни продавцов и покупателей, и население слободы увеличивалось в несколько раз. Какого только транспорта не было в эти дни на улицах: верблюды, навьюченные гигантскими цветными тюками; лошади, впряжённые в расписные сани; нарты с оленями; собачьи упряжки. Сюда стекались товаропотоки из Сибири, Китая и «Бухареи», из Казани, Москвы и Архангельска. Поскольку «мягкая рухлядь» была универсальной и «свободно конвертируемой» валютой, здесь торговали сразу всем: расписными халатами, серебряными блюдами, табаком – «травой думбаго», украшениями, мороженой рыбой, моржовым клыком, чугунами и сковородками, шерстью, шёлком, пенькой, воском, бумагой, сахаром, рисом – «сарачинским пшеном», фарфором, специями и так далее.

Соболиные ливни Сибири не иссякали ещё очень долго, и в конце XIX века Ирбитская ярмарка стала главным меховым торжищем Евразии.

Мангазея златокипящая

История Мангазеи

Мангазею построили безбашенность и расчёт.

К концу XVI века в Заполярье набежало много разных людишек. Они пробирались на судах вдоль побережья Баренцева моря до пролива Карские ворота, волоком тащились через полуостров Ямал, где и ныне блещет тихими водами озеро Мёртвых Русских, и попадали в Обскую губу. Они спасались от податей, судов и долгов, прятали награбленное или искали выгоды там, где соболей – что снегов, а царёвых казначеев днём с огнём не сыскать. Город Мангазея стал самой северной duty free на планете, к тому же отсюда через Ледовитый океан можно было выйти на европейские рынки, жадные до мягкого золота. В обход казны шёл гигантский пушной трафик.

Обуздать и направить его в государев карман Борис Годунов в 1600 году отправил войско князя Михаила Шаховского. Эта экспедиция была тут же разгромлена инородцами, а князя подранили стрелой. Власти подозревали, что побить царского посланника местным самоедам помогали русские, которые надеялись и дальше промышлять в этих краях бесконтрольно.

Однако князей у государя было много, и каждому подавай соболиную шубу. На следующий год покорять Мангазею послали другого вельможу, князя Василия Мосальского, с отрядом в двести вооружённых до зубов воинов. Они и выполнили царский наказ «отыскать места лутчево, которое бы угодно, крепко, и водяно, и лесно, и впредь бы в том месте городу стоять было мочно, и всякие торговые люди с товары того острогу не обходили некоторыми дорогами и некоторыми делы». Деревянный Мангазейский острог выстроили на высоком берегу большой реки Таз на руинах прежнего незаконного поселения. С двух сторон его защищали притоки Таза, а с тыла прикрывали непролазные леса и гиблые болота, дорогу через которые знали только собаки и олени местных жителей.

ПАРУСНО-ВЁСЕЛЬНЫЕ КОЧИ ХОДИЛИ ПО ОГРОМНЫМ СИБИРСКИМ РЕКАМ И В ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ. ЭТОТ ТИП СУДНА ПРИДУМАЛИ ПОМОРЫ. КОЧАМИ УПРАВЛЯЛИ КОМАНДЫ ОТ 10 ДО 40 ЧЕЛОВЕК. СУДНО ИМЕЛО ЯЙЦЕОБРАЗНУЮ ФОРМУ КОРПУСА, ПОЭТОМУ ЛЬДЫ, СМЫКАЯСЬ, НЕ ЛОМАЛИ ЕГО, А ВЫДАВЛИВАЛИ НА ПОВЕРХНОСТЬ.

Через три с лишним века археологи с трудом поверят, что великолепный архитектурный ансамбль Мангазеи, достойный лучших образцов мирового зодчества, смог вырасти из вечной мерзлоты Заполярья. Пять башен острога и стройные колокольни церковью крестами пропороли низкое северное небо, предупреждая небесного всадника Мир-Суснэ-Хума, что посадки не будет: под копыта его лося здесь уже никто не положит серебряные блюда. Кроме крепости, выстроили двести домов, гостинный двор на двадцать торговых лавок, две приказных избы, винный подвал, хлебные, соляные и пороховые магазины и два десятка зимовий для стрелецких гарнизонов, таможенных застав и сборщиков ясака. Самый северный город Российского государства контролировал пространство в тысячи вёрст и приносил в казну гигантские прибыли: в год до ста тысяч одних только драгоценных соболиных шкурок, а были ещё лисьи, куньи, песцовые, бобровые, горностаевые, беличьи...

Реконструкция коча из музея в Красноярске

Богатства «красно украшенной», «златокипящей» и «благословенной» Мангазеи – соболиного Клондайка и песцового Багдада – нужно было защищать от местных инородцев, которые не хотели платить ясак, и от своих же буйных промысловиков, которые привыкли жить по «закону тайги». Из острога во все края Гыдана и Ямала воеводы рассылали «отъезжие караулы» – охотников за нарушителями царских указов о торговле пушниной. Речной путь в Мангазею контролировали таможи в Тобольске и Берёзове. Но по Ледовитому океану через Обскую губу кочи поморов-контрабандистов и брига англичан, обшаривающих Заполярье в поисках северных сокровищ, проскальзывали на Таз, минуя таможи. Поэтому в 1619 году царь напрочь запретил морской путь и пригрозил смертной казнью поморам, которые покажут иностранцам проход в устье Оби.

Жару поддавали и мангазейские воеводы, которые порой вместо того, чтобы контролировать фарт, сами бросались за ним в погоню. Серьёзные разрушения городу принесла ссора воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына. Старший и младший воеводы с самого начала невзлюбили друг друга: потребовали везти их в Мангазею на разных кочах, отказались жить в одном воеводском доме, отгрохали себе отдельные терема на московский лад и беспрестанно строчили кляузы друг на друга. А в 1630 году они развязали настоящую войну. В город с караваном кочей прибыли брат и племянник Палицына; Кокорев устроил у них обыск и обнаружил контрабандное вино. Возмущённый младший воевода Палицын поднял посадских жителей против старшего воеводы, и Кокорев с частью войска закрылся в остроге. Палицын держал острог в осаде несколько месяцев. Кокорев ежедневно палил из пушек и разбомбил половину домов посада. «Мангазейская смута» тянулась два года; людей за это время было убито немного, но огромные территории остались без должного управления. Сцепившихся воевод растащили власти: Палицына для профилактики ненадолго заключили под домашний арест в Москве, а потом отправили воеводить на другие земли, а Кокорев верховодил в Мангазее ещё год.

Вот в таких ярких страстях и пронеслась короткая история Мангазеи – города буйных, азартных и предприимчивых. За семьдесят лет всё вино было выпито, а весь зверь в

окрестностях выбит. Содержать острог государству оказалось теперь в убыток, и в 1672 году на Енисее торжественно заложили Новую Мангазею, нынешний город Туруханск. А старая Мангазея к началу XVIII века осталась без жителей, и её заброшенные бревенчатые башни под низкими тучами потихоньку погрузились в безысходные болота Заполярья.

Добыть и покаяться

Культ святого Василия Мангазейского

В 1649 году стрелец Степан Ширяев примчался к мангазейскому воеводе Фёдору Байкову с чрезвычайным сообщением: на пустыре у приказной избы из земли вышел одним концом гроб. Воевода пожелал удостовериться лично. Гроб открыли и увидели юношу в кровавой рубахе. Старожилы вспомнили, что ещё при основании города был безвинно замучен мальчик-приказчик. Полвека прошло, а гроб цел, и тело будто только что схоронили. Служилые из молодых смотрели на покойника как на чудо. А старожилы не удивлялись, знали уже: что для москвитя – нетленные святые мощи, то для сибиряка – климатические условия. Вечная мерзлота и гроб из земли может выдавить, и тело в целостности сохранить.

Но вскоре начались исцеления. Кто-то припомнил историю убиенного мальчика, и мангазейцы окончательно убедились, что сибирская мерзлота вернула не покойника, а праведника. Русские пришли в эти дикие студёные края, оставив на родине семьи и храмы, а зачистую и совесть, но даже самые дерзкие из пришедших у всплывшего гроба осознали, что Господь и здесь не забыл про блудных сыновей: дал им в помощь святого – первого и пока единственного заступника посреди чужой языческой земли.

Мальчика звали Василий. Он был сыном ярославского торговца и всё детство работал в лавке. В пятнадцать лет отец отправил Васю в Мангазею приказчиком к какому-то богатому купцу. Однако скромный молитвенный юноша отличался от грубых и напористых искателей сибирских сокровищ. Купчина воспылал к чистому юноше греховной страстью, но получил отпор. А дальше рассказывали по-разному, и всё равно выходил святой.

По одной версии, лавку, где служил Василий, обокрали. В отместку за строптивость купец обвинил приказчика в соучастии и отдал государевым людям, чтобы выбили признание. Василий мог оклеветать себя, получить наказание и сохранить жизнь, но решил, что ему дороже христианская честность, и не сознался. Его забили до смерти. В Мангазее, куда каждый второй приходил с новым именем и подложной бумагой, где за грехи просто платили соболинами шкурками, жизнь за правду мог отдать лишь святой.

Другой рассказ о Василии предприимчивым мангазейцам показался и вовсе невероятным. Якобы юноша молился в часовне рядом с лавкой; он слышал, как воры ломают двери его лавки, но не стал отвлекаться, чтобы не осквернить моление. Когда он завершил молитву и кинулся за помощью, было уже поздно. Купец заподозрил приказчика в сговоре с грабителями и сам замучил пытками. В суровую, неустроенную и опасную Сибирь люди приходили не жить, а преодолевать лишения и страх. Но все терпели ради корысти, а терпеть ради молитвы способны были только святые.

В 1657 ГОДУ БЛИЗ НОВОЙ МАНГАЗЕИ ПОСЕЛИЛСЯ ПУСТЫННИК ТИХОН. К НЕМУ НАЧАЛИ СТЕКАТЬСЯ ЛЮДИ, И СЛОЖИЛАСЬ ОБЩИНА. В 1661 ГОДУ ОНА БЫЛА ПРЕОБРАЗОВАНА В ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ. В 1670 ГОДУ ТИХОН ПЕРЕНЁС В ОБИТЕЛЬ МОЩИ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ МАНГАЗЕЙСКОГО. КАНОНИЗАЦИЯ ВАСИЛИЯ СОРВАЛАСЬ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО В 1726 ГОДУ СГОРЕЛИ ВСЕ ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НО ВАСИЛИЯ ПОЧИТАЛИ И БЕЗ КАНОНА: МОЛИЛИСЬ ЕМУ И ПИСАЛИ ИКОНЫ, КАК ПОЛУЧАЛОСЬ. МОНАСТЫРЬ СУЩЕСТВОВАЛ ДО 1921 ГОДА, А ПОТОМ БЫЛ ЗАКРЫТ. ВОЗРОДИЛИ ЕГО ЛИШЬ В 1996 ГОДУ.

Место, где явился гроб, огородили, а потом построили для святыни часовню, начали прикладываться к мощам и записывать чудеса. У Василия Мангазейского, покровителя про-

мышленников и звероловов, мангазейцы просили форта. То ли молитва помогала охоте, то ли удача, но к 1660 году почти весь зверь в окрестностях Мангазеи оказался выбит. За добычей промысловики потянулись дальше к востоку, на Енисей, и построили Новую Мангазею – Туруханск. В новых землях со своим проверенным святым казалось не так страшно, и в Туруханске основали Свято-Троицкую обитель: теперь было куда перенести мощи заступника.

Икона Василия Мангазейского

В 1670 году из Новой Мангазеи в Старую Мангазею за мощами Василия отправился иеромонах Тихон. По легенде, перед опустевшим городом Тихон увидел спящего на холме мальчика. Кругом был снег, а верхушка холма под мальчиком оттаяла и покрылась цветами.

Тихон взял мальчика на руки и понёс в Туруханск. Восемьсот верст шёл он без сна и отдыха, и в снегах перед ним протаивала тропа и вырастали цветы.

Троицкая церковь в посёлке Туруханск

Иеромонах поместил мощи святого Василия в Троицкой церкви у царских врат. В 1719 году в монастыре построили Благовещенскую церковь, и в Туруханск из Тобольска приехал сам святитель Филофей (Лещинский), чтобы поклониться мощам и перенести их в новый храм. Когда Филофей возвращался, его дощаник на Енисее попал в страшную бурю. Судёнышко кидало волнами как щепку, ветер выворачивал мачты, и Филофей взмолился Василию Мангазейскому, защитнику от всех бед и опасностей грозной Сибири. Дощаник уцелел. В благодарность за спасение святитель прислал раку для мощей Василия Мангазейского и написал в его честь кондак.

НОВАЯ МАНГАЗЕЯ, БЫВШИЙ ГОРОД ТУРУХАНСК, ОСНОВАНА КАК ЗИМОВЬЕ НА РЕКЕ ТУРУХАН, ПРИТОКЕ ЕНИСЕЯ, В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА. ПОСТЕПЕННО ЗИМОВЬЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ГОРОДОК – СТОЛИЦУ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА. ЗДЕСЬ СТОЯЛА КРЕПОСТЬ, БЫЛИ ХРАМЫ, АМБАРЫ И ГОСТИНЫЕ ДВОРЫ. НА РЕКЕ НА СУДАХ ШУМЕЛА ПЛАВУЧАЯ ПУШНАЯ ЯРМАРКА. НО В XIX ВЕКЕ НОВАЯ МАНГАЗЕЯ НАЧАЛА УГАСАТЬ, А В 1917 ГОДУ ТУРУХАНСК УТРАТИЛ СТАТУС ГОРОДА

Василий Мангазейский стал первым православным святым, явленным в Сибири. Русские напористо и дерзко освоили Сибирь за одно столетие. И всё это время от страха, злобы и отчаяния бородатых матёрых мужей спасал кроткий молитвенный мальчик.

Инородцы **Коренные жители Сибири**

Никане, бороталы, кутумы, гурленцы, ламунуты, тайчиуты, урлюки, арели, алтыны и алтыры, учуги, теленбуты, далайкатуни, жёлтые мунгалы и чёрные калмыки, конные братья и оленные дауры, «трёх родов якуты, семи родов шаманы» и так далее – это перечень многочисленных сибирских народов из книги Семёна Ремезова. Русские их всех называли ино-родцами.

Сибирь не была безлюдной пустыней. Русские пришельцы столкнулись здесь с представителями причудливых и разнообразных таёжных культур. Всех надо было понять. Со всеми ужиться. Иначе Сибирь не освоить.

Почти все аборигены Сибири жили общинно-родовым строем. Своя государственность, хотя и зыбкая, имелась только у татар: она пришла на Иртыш во времена тюркских каганатов и укрепилась исламом. На переходе к феодальному порядку находились манси, у которых были четыре княжества на реках Ляпин, Пелым, Сосьва и Конда, и ханты, у которых на нижней Оби сложилось шесть племенных союзов. Манси и ханты встретились с русскими ещё до Ермака, ещё в XV веке, – от них и узнали выгоды государственности. Но и в двадцатых годах XVIII века Василий Татищев писал, что инородцы Сибири «в единоравенстве пребывают», а их князья не имеют ни войск, ни власти.

Образ жизни аборигенов подчинялся условиям климата. Обитатели тундры кочевали со стадами оленей и устраивали себе временные стойбища с чумами. Обитатели степи летом гоняли скот по огромным угодьям и ставили юрты, а на зиму возвращались в селения с прочными жилищами. А таёжники – охотники и рыболовы – были оседлыми; они имели селения с общинными домами, однако зимой, когда мех у зверей богаче, а леса проходимы для лыжников, разбредались по дальним промысловым заимкам.

Инородцы не знали огнестрельного оружия. Например, сохранилась легенда, как на Ангаре буряты перебили отряд казаков и решили сжечь их тела и ружья, но ружья начали стрелять из костра, и буряты бежали даже от мёртвых русских. У инородцев было распротранено многожёнство, и оно часто становилось главной причиной отказа от православия. И ещё в языческой Сибири существовало рабство. В рабы попадали «погромные ясыри» (как говорили русские) – военнопленные. Друг с другом инородцы жили немирно, и русским не раз приходилось прекращать междоусобицы аборигенов или защищать одних от других.

Но в целом коренные жители Сибири изумляли русских своей честностью и простотой. Татищев писал: «Хотя они в познании божьем глупы, несмысленны, однако притом от природы справедливы и смиренны. Клятвoprеступлений, воровства, блядовства, объядения, обманства и тому подобного весьма у них мало. Редко бывает, чтоб кто-нибудь в том изобличён был, да и то разве такой, который, пребывая между русскими, тому у них научился». Аборигены вели хозяйство очень экологично: не брали лишнего, не истребляли поголовно. Для инородцев мораль была едина и для людей, и для природы. Например, они неохотно продавали телят – потому что коровы тоскуют, жалко их. Или не брали из звериных припасов всё: считалось, если мышку или бурундука лишить заготовок, зверёк от горя удавится в развилке веточки.

СЕВЕРНЫЕ ИНОРОДЦЫ СУМЕЛИ НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ ТАМ,
ГДЕ ДЛЯ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ПОЧТИ НЕТ НИКАКИХ РЕСУРСОВ. В
УПРЯМОЙ И БЕСКОНЕЧНОЙ БОРЬБЕ С ПРИРОДОЙ ОНИ ДОБИЛИСЬ
СОВЕРШЕНСТВА СВОЕЙ УТВАРИ, ОДЕЖДЫ, ИНВЕНТАРЯ И
СНАРЯЖЕНИЯ. ИХ БЫТ – ЭТАЛОН ЭРГОНОМИКИ, А ИХ

ПРОМЫСЛЫ – ЭТАЛОН ЭКОЛОГИЧНОСТИ. ОБЫЧНЫЙ ЧУМ, С ВИДУ СОВСЕМ НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ, – ШЕДЕВР ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛИ

У русских не было высокомерия по отношению к инородцам; многие казаки брали себе в жёнки местных девок. Но всё равно отношения между русскими и аборигенами складывались непросто, ведь русские отнимали уголья и облагали данью – ясаком. Инородцы упрямо сопротивлялись. Для русских обычно самыми опасными были первые годы после возведения нового острога: аборигены объединялись и пробовали изгнать пришельцев. Потерпев поражение, они смирились, и жизнь входила в мирное русло – до тех пор, пока алчность чужих властей не поднимала инородцев на бунт.

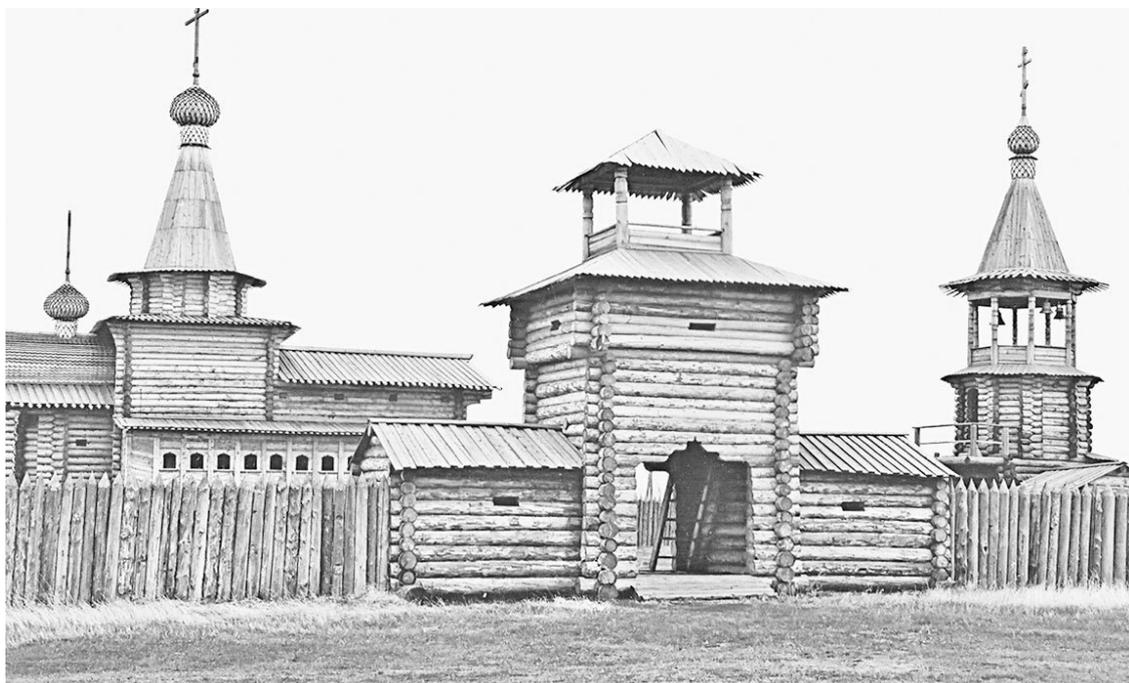
Чум инородцев в музее «Торум Маа»

Самым известным конфликтом стала война с Пегой ордой – союзом селькупских родов на Оби. В конце XVI века Пегую орду возглавил князёк Воня. Он развил бурную деятельность и сговорился с ханом Кучумом, чтобы совместно обрушиться на Тобольск. Однако напрасно Воня потрясал мечом и кропил идолов жертвенной кровью. В 1594 году у границ Пегой орды воевода Фёдор Бяратинский поставил Сургутский острог: он контролировал остяцкое Бардаково княжество. В 1598 году из Сургута вышел совсем небольшой казачий отряд атамана Тугарина Фёдорова и разметал по тайге воинство князя Вони. На месте столицы самонадеянных селькупов атаман Тугарин построил Нарымский острог. Селькупы покинули берега Оби, и Пегая орда прекратила существование, а её территорию заселили остяки.

ЗИМОВЬЕ ЗА ШИВЕРАМИ – ПОРОГАМИ – РЕКИ ИНДИГИРКИ БЫЛО ПОСТАВЛЕНО В 1639 ГОДУ И ВСКОРЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В ГОРОДОК ЗАШИВЕРСК. В 1676 ГОДУ ОН ОБЗАВЁЛСЯ КРЕПОСТЬЮ. ЗАШИВЕРСК СЛУЖИЛ БАЗОЙ ДЛЯ СБОРЩИКОВ ЯСАКА И ЭКСПЕДИЦИЙ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ. НО В КОНЦЕ XIX ВЕКА ГОРОДОК БЫЛ ВЫКОШЕН ЧЁРНОЙ ОСПОЙ – «ЗАШИВЕРСКОЙ ПОГАНЬЮ» – И

ОПУСТЕЛ. ПО ПРЕДАНИЮ, ШАМАН ХОТЕЛ УТОПИТЬ В ПРОРУБИ СУНДУК С ПОВАЛЬНЫМ МОРОМ, А ЖАДНЫЙ ПОП ОТНЯЛ У НЕГО СУНДУК И ОТКРЫЛ, ВЫПУСТИВ СМЕРТЬ НА ВОЛЮ

Совсем иначе выстроило отношения с русскими Кодское княжество на нижней Оби. Кодский князь Алача принял русское подданство ещё от самого Ермака; поскольку Кода была бедна пушниной, ясак ей заменили воинской службой; из Москвы на Коду даже высылали хлебное жалованье. Дружина остяков-кодичей ходила в походы вместе с казачьими отрядами, подавляла мятежи вогулов на Пелыме и приводила к покорности тунгусов на Енисее. Но крещёные Кодские князья содержали при себе шаманов, плели заговоры против русских и обирали соплеменников. В конце концов остяки Коды восстали против своих владык; в 1643 году русские власти упразднили княжество, а князей сослали на вечное жительство в Россию. Опустевший Кодский городок, бывшая столица, был превращён в Кодский монастырь.

Реконструкция Зашиверского острога в музее «Дружба»

Русские не переделывали инородцев под себя: принимали их такими, какие есть, и старались получить от них выгоду, не нарушая их образа жизни. Русские понимали, что образ жизни инородцев обусловлен не «отсталостью», а суровыми условиями Сибири, и вторгаться в него – значит погубить. Никто не навязывал инородцам новых князей, никто не требовал переменить обычаи, не принуждал перейти от охоты к земледелию и принять православие (хотя бы по той причине, что попов не хватало и самим русским).

Обычно отношения с аборигенами складывались так. Князья являлись к русским в острог и «давали шерть» – приносили присягу. Воеводы назначали ясак. Князья оставляли в остроге аманатов – заложников из своего рода; их поселяли в особых «аманатских избах». Время от времени аманатов меняли, и те, кто уже освоился у русских, переносили русские нормы в жизнь своего народа. Так осуществлялась «русификация сверху». А «русификация снизу» протекала на бытовом уровне, когда русские и аборигены, живущие бок о бок, перенимали друг у друга приёмы охоты и ведения хозяйства, осваивали язык и рождались через браки. Сближение народов было обоюдным.

Высшим свидетельством интереса русских к инородцам стала книга Семёна Ремезова «Описание сибирских народов». Ремезов завершил её в 1698 году. Увы, она не дошла до наших дней и известна только в цитатах. Ремезов составил обширный свод сведений о коренных жителях Сибири. Никто не заставлял его заниматься этим делом; книга Ремезова родилась из народного понимания ценности и равнозначности всех этносов этой земли.

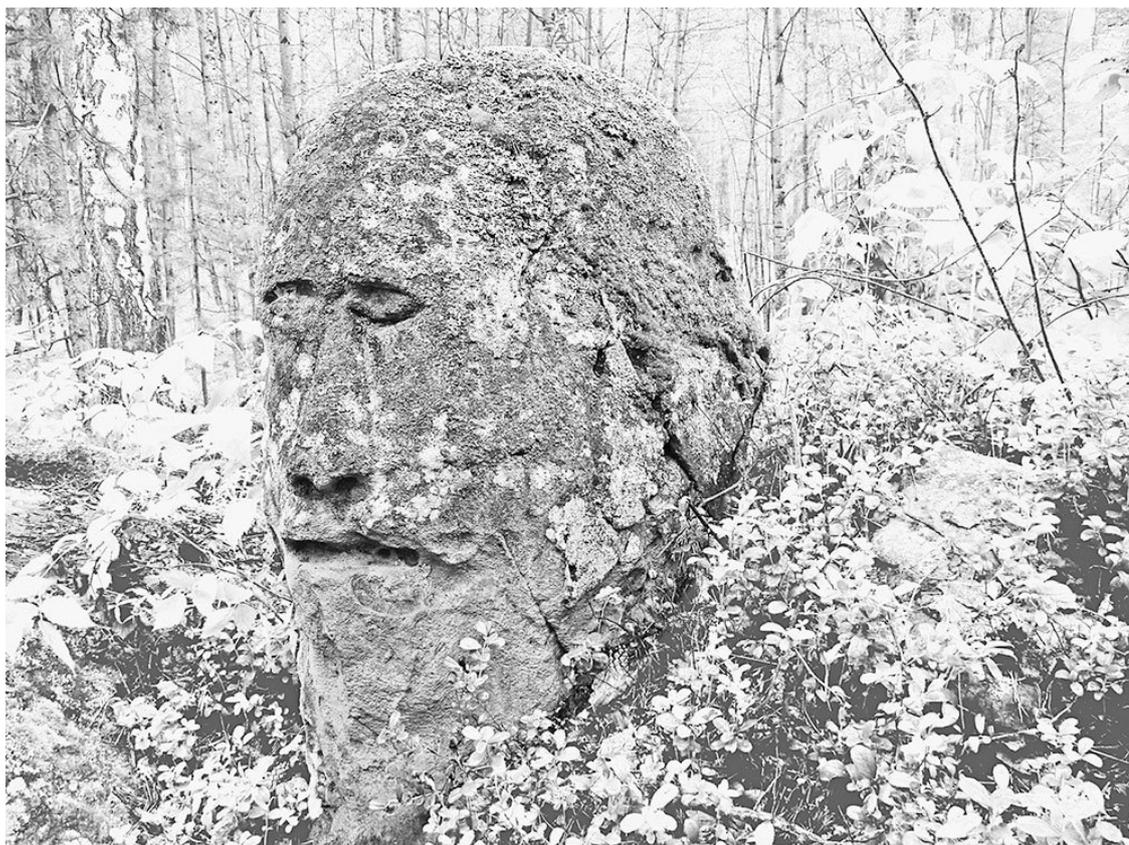
«Дух дурения» Сибирский шаманизм

Почти все аборигены Сибири были язычниками; даже в исламе татар и в ламаизме бурят звучали отголоски тенгрианства – древней веры Центральной Азии в бога Тенгри, Великое Синее Небо. Православные священники, не различая культов, скопом называли язычество сибиряков «идолобесием».

Сакральные представления жителей Сибири не дозрели до стройных систем. У разных народов были разные божества, сонмы этих богов казались бесконечными, их иерархия оставалась зыбкой, а почитание не устоялось в неизменных формах обрядов. Земным телом бога считался идол. Кочевники тундры возили идолов с собой в особых нартах, а жители тайги устраивали святилища на тайных полянах. Идолы (и боги) и не были неприкасаемыми. Если бог не исполнял просьб и не помогал, человек мог отхлестать идола плетью, порубить и сжечь. Миссионер Григорий Новицкий писал: «Ежели с идола желаемых благ не получают, то снимают с него одежду и низвергают в бесчестное место со всяким ругательством». Многообразие представлений о богах могло бы рассыпать Сибирь на кусочки, но всех сибиряков объединял шаманизм – удивительная пра-религия, в которой жрец порой был важнее небожителей. Аборигены преклонялись перед жуткой фигурой шамана.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ИДОЛ БЫЛ ОТКРЫТ АРХЕОЛОГАМИ В 1976 ГОДУ В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ НА РЕКЕ ТАСЕЙ. ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД ДРЕВНИЕ ЖИТЕЛИ СИБИРИ ВЫСЕКЛИ НА КАМЕННОМ ОСТАНЦЕ ЛИЧИНУ БОЖЕСТВА. ИЗНАЧАЛЬНО ЛИЧИНА ИМЕЛА ЧЕРТЫ ЕВРОПЕОИДНОГО ЧЕЛОВЕКА, НО ПОТОМ ЕЁ ОБТЕСАЛИ ПОД ЧЕРТЫ МОНГОЛОИДА. ВИДИМО, ЭТО ПРОИЗОШЛО, КОГДА ЮЖНУЮ СИБИРЬ ЗАХВАТИЛИ ПОЛЧИЩА ЧИНГИСХАНА

Шаман – не колдун. Он знахарь, гадатель, сказитель, но он не обладает магией, он не способен управлять погодой или судьбой человека. Он просто посредник, который умеет подниматься к богам и просить их о чём-нибудь, однако над богами он тоже не властен. Он всего лишь «средство связи».

Усть-Тасеевский идол

Шаманы делились на «чёрных» и «белых». «Белые» общались только с добрыми богами, а «чёрные» – со всеми. И те, и другие «камлали» – то есть вводили себя в транс посредством неких заклинаний, танцев и психопрактик. Это опасное состояние начиналось с того, что в шамана, пляшущего у костра, входил «дух дурения», а потом шаман ощущал, что его словно возносит вверх, что он «большой стал» и «в середине сидит». Шаман уже ничего не чувствовал, не понимал, что делает, а его устами говорили боги и демоны. Вырваться из реальности шаману помогали его волшебные атрибуты, и в каждой культуре они были свои. Удары в бубен «перенастраивали» шамана на жизненный ритм иного мира и призывали духов. Берестяная маска скрывала лицо, устраняя индивидуальность. Трость превращалась в коня, на котором неслась бестелесная душа шамана, а волосяная верёвка обращалась в подвесной мост, по которому душа преодолевала бездны. Шапка с рогами делала шамана своим в страшном мире потусторонних сил и сущностей.

Чтобы расположить богов и духов, язычники ублажали их на капищах жертвами. Жертвоприношение мог совершать любой человек. Язычники верили, что у каждого живого существа и у каждой вещи есть свои души – они и уходят с капищ на небо. Боги надевали душу рубахи, ели душу мяса и радовались, добавляя новую душу барана в свои стада бараньих душ. Сытый, довольный и разбогатевший бог соглашался помочь людям там, внизу. Он встречал в своих чертогах прилетевшую душу шамана и передавал на землю совет. Или сам спускался вниз, вселялся в шамана и говорил с людьми.

САМЫМ «ШАМАНСКИМ» МЕСТОМ В СИБИРИ СЧИТАЕТСЯ ОСТРОВ ОЛЬХОН НА БАЙКАЛЕ. ЭТО СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ БУРЯТ. СКАЛА ШАМАНКА НА БЕРЕГУ ОСТРОВА – ОНА ЖЕ БУРХАН-МЫС – ЮРТА ЭЖИНА, ХОЗЯИНА ОСТРОВА. А ЕЩЁ НА ОСТРОВЕ ЖИВУТ БЕЛОГОЛОВЫЙ ОРЁЛ – ЦАРЬ ШАМАНОВ, И БЕССМЕРТНЫЙ

МЕДВЕДЬ. БУРЯТЫ ВЕРЯТ, ЧТО НА ОЛЬХОНЕ ПОХОРОНЕН ЧИНГИСХАН, КОТОРЫЙ ЯКОБЫ ТОЖЕ БЫЛ ШАМАНОМ. НА ОЛЬХОНЕ ДЛЯ СВОИХ КАМЛАНИЙ СОБИРАЮТСЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ШАМАНЫ

Истязать себя такими путешествиями и таким общением было опасно для психики и физического здоровья. Невротики-шаманы жили недолго и трудно. Их хозяйства приходили в упадок, семьи разваливались, рассудок не выдерживал и помрачался. Шаман был не злым мошенником, угнетающим тёмных инородцев, а жертвой, которую народ приносил ради понимания жизни. Только патологические типы соглашались стать шаманами с охотой и радостью, а в целом шаманство было смертным приговором.

Скала Шаманка на острове Ольхон

Чтобы стать шаманом, человек должен был иметь в себе «шаманский корень». Возможно, таковым считали генетическую предрасположенность к эпилепсии или шизофрении. Рано или поздно «избранный богами» слышал «шаманский зов». На него можно было и не отвечать, но тогда на человека сыпались несчастья. А тот, кто смирялся со своей судьбой, шёл на выучку к уже действующему шаману. Старый шаман рассказывал о богах, их нравах и пристрастиях: кто где живёт, кто над чем властвует, какие жертвы любят боги и на какие призывы откликаются. Пройдя обряд посвящения, молодой шаман занимал своё место в обществе. Если повезёт, шаман мог дотянуть до старости и отойти от дел, доживая свой век в покое и почёте.

Самые сильные шаманы существовали у народов Севера – у ненцев, якутов, чукчей. А самая развитая традиция шаманства была, пожалуй, у бурят – у «братьев», как говорили русские. Предания о главном «гнезде» шаманов на острове Ольхон на Байкале – наследие бурятской культуры. У бурят была целая «школа шаманов». Тайные правила мистических обрядов содержались в книге «Нишан-шаман», написанной на маньчжурском языке. Шаманы бурят проходили семь стадий посвящения, и на каждой стадии сила шамана возрастала. Буряты верили, что первым шаманом был Чингисхан.

Русские поселенцы не сомневались в могуществе сибирских шаманов, и даже крещёные иностранцы не сомневались. В 1675–1678 годах в Якутске старшим воеводой служил Андрей Барнашлёв – англичанин Уильям Бернсли. Он был жестоким самодуром, и якуты написали на него жалобу. Сибирский приказ направил в Якутск нового воеводу, чтобы он расследовал злодеяния Барнашлёва. А коварный англичанин отловил шаманов и заставил их камлать – просить богов, чтобы жалобщики сдохли, а ревизор был милостив. Неизвестно, какая сила подействовала на Барнашлёва, но в 1679 году он внезапно умер. Ему было 59 лет.

Шаманами интересовался и Пётр I. В 1704 году он приказал воеводе Берёзова найти трёх-четырёх кудесников, «которые б совершенно шаманить умели», и привезти в Москву. Пётр велел не «стращать» шаманов, а выдать им всё, что нужно для «шаманства», и принять на жалованье. Служилые бросились исполнять. Вскоре воеводе Хрущёву доставили двух шаманов. Воевода допросил, «какое за ними есть шаманство»; шаманы били в бубны, плясали и бесновались, но чудес не сотворили. Воевода расстроился и в досаде прогнал язычников, а в Москву сообщил, что не послал шаманов, боясь напрасных дорожных «истрат». Из столицы прикрикнули, чтобы воевода не умничал и снова искал шаманов, а не то на него наложат пеню.

Шаманизм будет процветать в Сибири до начала XX века. Советская власть объявит бой предрассудкам и суевериям; ретивые уездные комиссары назовут шаманов врагами народа и почти истребят – заодно с православным священством. Но «шаманские корни» окажутся вросшими в суровую землю Сибири на такую глубину, что никакая тирания не сможет их выкорчевать.

Первоссылный неодошевлённый История Угличского колокола

В 1591 году из Углича в сибирскую ссылку было выслано шестьдесят семей. Избитые, закованные в цепи и колодки мужики и бабы с маленькими детьми больше года месили ногами три тысячи вёрст снега и грязи, падали от ветра, теряли в болотах раскисшие лапти и подмётки, кутались в тряпье, мазали дёгтем кровавые, изъеденные мошкой лица, просили подаяние и вместо хлеба грызли осиновую кору. Это были первые сибирские ссыльные: через полстраны их отправили на восток осваивать стратегически важные территории за Уралом. На каторжных угличанах власти испытали тот путь в Сибирь, по которому потом прогонят больше миллиона ссыльных. Своими жизнями ссыльные будут мостить эту дорогу смерти до конца XIX столетия, пока за Урал не проложат первые рельсы.

Из шестидесяти семей несчастных угличан едва ли половина добрела до Сибири. Хорошо перенёс дорогу лишь один-единственный ссыльный. В Угличе его сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо и наказали двенадцатью ударами плетей. Всю дорогу в Сибирь мужики и бабы тащили опального калеку на себе. А весил он 19 пудов 20 фунтов (319 кг), было ему триста лет, и звали его Набатный колокол. Вина на нём была страшная: он подстрекал жителей города к бунту.

15 мая 1591 года в полдень этот колокол собрал на площади весь Углич. Соборный сторож Максим Кузнецов и поп Федот по прозвищу Огурец что есть сил били набат: изменники зарезали девятилетнего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного и Марии Нагой! Царевич был последним Рюриковичем, вместе с матерью-царицей он был удалён из Москвы на поселение в Углич. Народ кипел от гнева, вопли собравшихся на соборной площади заглушали призывный гул колокола. Брат царевны Дмитрий Нагой выкрикнул имена подозреваемых, и взбешённая толпа кинулась на расправу. При самосуде угличане забили до смерти и растерзали пятнадцать человек.

Весть о массовом народном волнении долетела до Бориса Годунова, и на третий день в Углич вошло царское войско, а следом прибыла следственная комиссия Василия Шуйского и митрополита Геласия. Смутьянов схватили. Двести человек казнили, а Кузнецова, Огурца и ещё шестьдесят семей сослали в крепость Пелым за Уральским хребтом. Был наказан и колокол.

В Тобольск колокол прибыл в 1593 году. Воевода князь Фёдор Лобанов-Ростовский распорядился запереть его в приказной избе и клеймить надписью «Первоссылный неодошевлённый с Углича». Но вскоре воевода решил, что «неодошевлённый ссыльный» должен работать наравне со всеми; колоколу приделали вырванный язык и повесили на колокольню церкви Всемилоостивого Спаса. Позже «по причине резкого и громкого голоса» заключённого перевели на Софийскую соборную колокольню, чтоб отбивал часы и звонил в набат во время пожара.

Макет Угличского колокола в музее Тобольска

Ссылные угличане упокоились в мёрзлых сибирских могилах, и через сто лет их правнуки уже считали эту землю своей. Они знали тайные тропы в болотах, ставили капканы на пушного зверя, плели рыболовные морды из прутьев и сети из крапивной пряжи, ходили на Ямыш-озеро за солью, служили на «посылках» у тобольского воеводы. И только один ссылный всё помнил за всех. Почти два века он звоном напоминал о забытых мучениках.

В НАКАЗАНИИ КОЛОКОЛА СОДЕРЖИТСЯ ОГРОМНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ. КОЛОКОЛ УПОДОБЛЯЛСЯ ЧЕЛОВЕКУ И ИМЕЛ ДУШУ. ОН ВЗЫВАЛ СРАЗУ КО ВСЕМ: И К НАРОДУ, И К БОГУ. УГЛИЧСКИЙ КОЛОКОЛ ПОСТРАДАЛ ЗА НЕВИННО УБИЕННОГО, И ЕГО ТРЕБОВАНИЕ ПРАВДЫ ОКАЗАЛОСЬ ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ ДЛЯ СИБИРИ, ГДЕ СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ ЖИЛИ БОК О БОК

С ПРЕСТУПНИКАМИ. В СИБИРИ ГЛАВНЫМ КРИТЕРИЕМ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА БЫЛО НЕ КАЗЁННОЕ ОБВИНЕНИЕ, НЕ ГРЕХИ, А ПРАВДА ДЕЯНИЯ

К 1785 году соборная колокольня состарится и развалится, и медного острожника вместе с другими колоколами перевесят на бревенчатые козлы, где его чуть не расплавит пожар 1788 года. Новая колокольня будет готова в 1797 году, и «ссылный неодушевлённый» снова заступит на службу. За сто лет медный узник превратится в местную знаменитость; к нему, как к другу по несчастью, придут поклониться сосланные в Сибирь декабристы. В 1837 году, когда в Тобольск приедет наследник престола цесаревич Александр, угличский колокол на время снимут с колокольни «для удобного обозрения этой исторической достопримечательности». А в 1890 году заключённого переведут в тобольский музей в качестве экспоната.

Но и Углич не забудет о своём колоколе. Уже через несколько лет после убийства царевича Дмитрия угличане объявят колокол безвинным стратотерпцем. К 300-летию ссылки под давлением горожан колокол будет «амнистирован». После большой общественной дискуссии его решат вернуть обратно в Углич, а в Тобольске оставить копию. Обычно сибирские узники не возвращались: на дорогу домой изгнанникам не хватало денег, а порой и жизни. Угличский набатный отправится на родину один за всех.

Расходы по перевозке колокола оплатят восемь богатых жителей Углича. К встрече земляка Углич приготовится как к большому торжеству. У Спасо-Преображенского монастыря на берегу Волги построят специальную пристань, и пароход с колоколом причалит к ней под громкое «ура» двухтысячной толпы. Засвидетельствовать своё почтение придёт городское духовенство в праздничном облачении и городское начальство в парадных мундирах. В Угличе объявят народное гуляние. К всеобщему ликованию, справедливость восстановится. Но жаль, что сотни тысяч других ссыльных, не отлитых в металле, а из плоти и крови, своё наказание пережить не смогут.

Таможня берёт добро *Внутренние таможни в России*

До середины XVIII века в Российском государстве неисповедимы были только пути господни. Дороги простых смертных правительство тщательно контролировало. Особенно пристально государево око следило за Сибирским трактом: по этому пути шёл стратегический для казны пушной трафик.

Российская присказка о том, что у нас не дороги, а направления, не работала, когда дело касалось казённого кармана. Дороги делились на «государевы» и «воровские». «Государевы» были обустроены, с харчевнями и постоянными дворами, с ямскими станциями и почтовой службой; здесь находились таможни, и потому разрешалось движение купеческих караванов. Внутренние таможни регулировали перемещение любых товаров из одной части страны в другую и взимали пошлины.

Основной таможенной пошлиной была «десятая доля», её брали только российской монетой: серебром или золотом. Имелся перечень товаров, запрещённых к вывозу из Сибири: табак, ремень, водка, лён, свинец, порох, медные пятикопеечные монеты и полушки, канифоль, скипидар, мышьяк, поташ, лосиные кожи, оружие. Но всегда находился способ нарушить запрет, и административная система этому помогала.

Постояльный двор в музее «Нижняя Синячиха»

Руководили таможнями «таможенные головы». Их назначали в Сибирском приказе. Это были купцы и посадские люди, пользующиеся авторитетом, чаще – из Москвы, а не местные. Жалованья за работу начальникам не полагалось, они должны были «кормиться от дел». Вот они и старались «окупить» свою службу поборами. Государство получало свою долю с легальных товаров, а хозяева таможен разживались ещё и взятками с контрабанды. Их помощники – подьячие, целовальники и сторожа – на свой карман работали особенно

усердно. В поисках запрещённых товаров они задирали боярыням юбки и заботливо следили за тем, чтобы купцы по весне не парились в трёх лисьих или собольих шубах.

Контрабандистов называли мехоношами. Они проносили в поклаже или провозили в небольших обозах пушнину, соль, порох и другие лёгкие или необъёмные, но дорогие товары. Мехоноши пользовались «воровскими» дорогами. Их прокладывали местные жители для своего удобства. Тайные пути не были обустроены, не имели таможен, и купцам с товарами ездить по ним запрещалось. Хитрых мехонош подкарауливали государевы дозоры и вольные разбойники, выставя на «воровских» маршрутах пикеты и засады. Но всегда был шанс проскользнуть под защитой метели или тумана, надуть дозорных, отбиться от разбойников. Повезёт – и за дерзость мехоношам отвалится жирный куш, а таможенникам достанется большой кукиш.

ТАМОЖЕННАЯ СЛУЖБА БЫЛА НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНА С ЯМСКОЙ ГОНЬБОЙ – ПЕРЕВОЗКОЙ КАЗЁННЫХ ГРУЗОВ И КУРЬЕРСКОЙ ПОЧТЫ, И КАЖДЫЙ ВОЕВОДА БЫЛ ОБЯЗАН СЛЕДИТЬ ЗА КАЧЕСТВОМ ДОРОГ И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТРАНСПОРТА. В КРУПНЫХ СЕЛЕНИЯХ И ПРИ ТАМОЖЕННЫХ ЗАСТАВАХ ВСЕГДА СУЩЕСТВОВАЛИ ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ – СТАРИННЫЕ ГОСТИНИЦЫ, ГДЕ ПРОЕЗЖАЮЩИЕ ДОЖИДАЛИСЬ СМЕНЫ ЛОШАДЕЙ ИЛИ ДОСМОТРА ТАМОЖЕННОГО ДЬЯКА

Бабиновский тракт был единственной официальной дорогой в Сибирь. По нему шли китайские посольства, легендарный протопоп Аввакум, все великие землепроходцы, ссыльные бояре, купцы и крестьяне-переселенцы. 250 вёрст от Соликамска до Верхотурья зимой на санях преодолевали за пять-шесть дней, в распутицу тащились неделями, а летом в хорошую погоду караваны ползли со скоростью пешехода: 40–50 километров в день. Главная стратегическая дорога России была всего лишь шестиметровой просекой, которую переметало снегом и заваливало буреломом. Паводки сносили мосты, ручьи промывали ямы, в дождь глубокие колеи становились непреодолимы. Иностранцы, проехавшие по Бабиновскому тракту, оставили красочные воспоминания о русском экстриме, когда встречные сани сшибались друг с другом, и путь продолжал сильнейший, а повозки неслись под гору с такой скоростью, что сминали запряжённых в них лошадей.

У страха глаза велики, но для русских сильнее страха был фарт. В надежде на удачу в конце XVII столетия в Сибирь по Бабиновской дороге каждый год проходило две-три тысячи человек и проезжало около тысячи подвод. Главной таможней Сибирского тракта была Верхотурская: здесь досматривали грузы, следующие из Центральной России в Сибирь и обратно. За сообщением между Сибирью и Китаем следила Нерчинская таможня. А от Верхотурья до Нерчинска на тысячевёрстном пути располагались прочие промежуточные таможни и Гостиный двор в Тобольске.

После губернской реформы 1708–1711 годов таможни перешли в подчинение сибирским губернаторам. Губернаторы назначали таможенных надзирателей из числа сибирских дворян и купцов. Прежние целовальники и сторожа стали называться канцелярскими и ларёчными служителями. В новом «регулярном» государстве воровство таможенников доросло до организованной преступности под контролем губернаторов, которые сорок с лишним лет эффективно управляли потоком казённой пушнины, прогоняя немалую его часть через свой карман.

Тобольск всегда спорил с Верхотурьем, кто главнее: тот, у кого таможня, или тот, у кого торговля? В 1753 году победил Тобольск, потому что внутренние таможни в России были отменены. Все пути в Сибирь стали теперь легальными. Это убило старинный Баби-

новский тракт: он потерял статус единственно дозволенного пути. Вокруг бывших «государевых дорог» вымерла и организованная преступность.

А новые имперские казначеи, любуясь, как с ладони меж перстней струится шёлковый соболиный мех, уже и представить не могли, сколько мягкого золота утекло из казны сквозь пальцы сибирских таможен.

Святыни басурман ***Сибирские татары***

Древние греки утверждали, что где-то за Гипербореей находится Тартар – ледяная бездна с чудовищами, и потому европейские географы называли Северную Азию Тартарией.

Пользуясь созвучием, Филипп Страленберг, шведский пленник в Тобольске, а потом – знаменитый учёный, стал называть Сибирь Татарией, так как татары были тут коренными жителями.

Сибирские татары населяли поречье Туры, Исети, Тобола, Иртыша и Ишима. Они появились здесь не меньше трёх тысячелетий назад и ещё до нашествия Чингисхана освоили земледелие и скотоводство, хотя не забыли и охоту с рыболовством. Татары жили в срубных домах-юртах, пахали поля плугами-сабанами, справляли сабантуй – праздник первой борозды, и, как степняки-монголы, поклонялись богу Тенгри – Великому Синему Небу.

В XII веке у сибирских татар появилось первое государство – Ишимское ханство. Во времена Чингисхана в этом ханстве произошёл переворот: хан Чинги (прозванный в честь Чингиза, слава которого гремела по всей степи) убил хана Он-Сона и передвинулся на Туру: так Ишимское ханство стало Тюменским. В 1495 году хан Махмед убил тюменского хана Ибака и перенёс столицу на Иртыш в город Искер, он же город Сибирь: Тюменское ханство превратилось в Сибирское. Конечно, ханства сибирских татар были весьма непрочными; они не могли сравниться с могучими деспотиями Средней Азии или с закалёнными кочевыми державами монголов. Но всё же у сибирских ханов тоже были дворы, гаремы и воинства; были визири, советники-карачи и султаны – наследники престола; налоги собирали даруги; улусами правили тарханы. Опорой власти были феодалы: беки – вроде дворян и мурзы – вроде бояр. В Сибирском ханстве насчитывалось полтора десятка городков.

В конце XIV века окрепший ислам наконец обратил внимание на дикие северные земли. Отсюда в Бухару везли прекрасных соболей, и не помешало бы, если б над этой тайгой воссиял полумесяц. Бухарский шейх Багауддин, основатель мощного духовного ордена Накшбанди, организовал религиозное вторжение в Сибирь, которое по аналогии с крестовыми походами можно было бы назвать лунным. В «лунный поход» в 1394 году вышли 366 шейхов и 1700 воинов. На Иртыше вспыхнула война между татарами-тенгрианцами и пришельцами-мусульманами. В таёжных битвах погибло 300 шейхов и 1448 воинов. Захватчики отступили – но ислам остался и пустил корни.

Астана Хаким-аты на Баишевском кладбище

Через некоторое время в Сибирь прибыли другие проповедники ордена Накшбанди. Они выявили 39 могил погибших шейхов. Погребения стали святынями сибирских татар. Над ними водрузили бревенчатые астаны: шести- или восьмигранные срубы. Эти астаны сибирские татары почитают и ныне, спустя шестьсот лет после событий: время от времени возобновляют сооружения и приходят на поминовения. Самая известная астана находится на кладбище близ деревни Баишево под Тобольском. Татары убеждены, что здесь лежит шейх Хаким (хотя реальный Хаким, халиф Сулейман Бакыргани, жил за двести лет до «лунного похода» и упокоился где-то в Туркестане). Троекратное посещение астаны Хакима у сибирских татар приравнивается к хаджу. А русские верят, что на Баишевском кладбище похоронен Ермак.

До Ермака за власть над Сибирским ханством вели борьбу две династии. Тайбугины – потомки хана Тайбуги – были местной знатью, а Шейбаниды – потомки хана Шейбана, сына Джучи и внука Чингисхана, – происходили от священного монгольского корня. В XVI веке к власти пришли тайбугины. Бухарский хан Абдаллах II задумал прибрать к рукам пушное Сибирское ханство и выслал воинский отряд во главе с ханом Кучумом, шейбанидом и чингизидом. В 1563 году Кучум захватил Искер и казнил ханов Едигера и Бекбулата: им переломили позвоночники и бросили в овраг живьем на съедение волкам. От Кучумовой расправы спасся только малолетний хан Сеид-Ахмед, наследник тайбугинов. А Кучум вызвал из Бухары духовную миссию шейха Шербети и провозгласил ислам религией своего ханства.

ПРОСТАЯ БРЕВЕНЧАТАЯ АСТАНА БАИШЕВСКОГО КЛАДБИЩА НЕ ПРОИЗВОДИТ БОЛЬШОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОДНАКО ЭТА СВЯТЫНЯ СОХРАНЯЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ СТОЛЕТИЙ. ПОГРЕБЕНИЕ НЕ ИМЕЕТ НИКАКИХ НАДПИСЕЙ ИЛИ ИЗОБРАЖЕНИЙ. ИСТОРИЯ СВЯТОГО СОХРАНЯЛАСЬ В ПАМЯТИ НАРОДА И ПЕРЕДАВАЛАСЬ

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ ИЗУСТНО, ПОСКОЛЬКУ ДАЛЕКО НЕ ВСЕ СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ УМЕЛИ ЧИТАТЬ ДРЕВНИЕ РУКОПИСИ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В 1581 году Кучума изгнал Ермак. В 1584 году Ермак погиб, и его казаки покинули Искер. Сеид-Ахмед, по-русски Сейдяк, вернулся на кошму владыки. Но через три года его сцапал «письменный голова» Данила Чулков, основатель Тобольска, и отослал в Москву. Национальная государственность сибирских татар была уничтожена окончательно.

Те татары, которые не согласились с владычеством русских, ушли с Иртыша на реки Томь и Чулым, притоки Оби. Но большая часть сибирских татар осталась на прежних местах. Татары приняли новый порядок с долготерпением землепашцев. На бытовом уровне ничего не изменилось: воеводы собирали подати и ясак, но не запрещали ислам, не покушались на обычаи и не лезли в традиции хозяйства. Татары даже сохранили право держать невольников – единоверцев или язычников. Селениями по-прежнему руководили беки и мурзы, имамы предводительствовали в молитвах, ахуны вели родовые хроники «шеджере», а муэдзины с минаретов призывали к намазу. Но русские теснили татар, как раньше сами татары теснили башкир, остяков и вогулов: отнимали лучшие угодья и самые выгодные промыслы. Благополучие сибирских татар поддерживалось их родовым трудолюбием и ловкостью купцов из торгового сословия бухарцев.

«Охота к подданству» «Торговое сословие» бухарцев

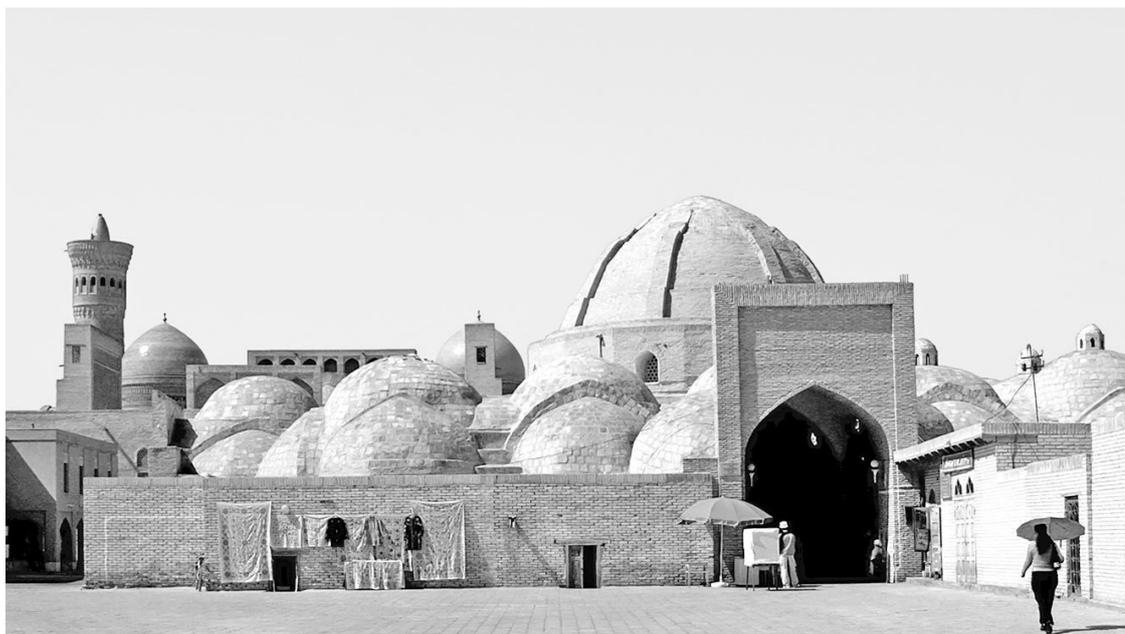
Жители Тюмени, Тары и Тобольска не останавливались поглазеть, встретив на улице мужчин в чалмах или женщин в паранджах, не крестились испуганно, увидев завязшего в сугробе верблюда, не изумлялись на базаре перцу и диковинным арбузам – «круглобоким, с чёрными полосами по всей хребтине, вельми сладостным на вкус». Сибирь, конечно, была сурова для торговцев из оазисов Туркестана, но жёсткий климат можно было стерпеть ради бесценной мягкой рухляди, за которую в Средней Азии и Китае давали огромную цену. И предприимчивые южане надели тулупы на полосатые халаты и поменяли торговые купола на гостиные дворы. Этнически эти торговцы были узбеками, таджиками и уйгурами. В Сибири всех их называли бухарцами и считали особым торговым сословием.

Они селились при русских городах отдельными слободами, строили дома, мечети и караван-сарай. У них было независимое управление и своё небольшое войско, которое охраняло караваны в долгом пути через тайгу, степи и пустыни. Бухарские слободы появились в Тюмени и Тобольске, а под Тарой в XIX веке выросла целая волость из нескольких селений.

Азиатские торговцы пушниной, будущие бухарцы, появились в Сибири задолго до русских, примерно в начале XV века, когда в Сибирь пришёл ислам. Бухарцы вели свою деятельность и при ханах династии Тайбугинов, и при ханах династии Шейбанидов, а особенно – при хане Кучуме, ставленнике бухарского хана Абдаллаха II. Бухарцы стали финансовой основой таёжного ислама. Русские прекрасно понимали огромную роль бухарцев в экономике Сибири, и даже сам Ермак погиб на реке Вагай не за царя, а за бухарцев: он отправился в поход на защиту их каравана и попал в ловушку.

САМЫЕ ПРЕСТИЖНЫЕ ТОРЖИЩА В БУХАРЕ И ДРУГИХ
ГОРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОИСХОДИЛИ В ОГРОМНЫХ ТОРГОВЫХ
КУПОЛАХ. ЭТИ ЗДАНИЯ СТРОИЛИСЬ НА ПЛОЩАДЯХ, ГДЕ
ПЕРЕКРЕЩИВАЛИСЬ ВАЖНЫЕ ДОРОГИ. ПО БОКАМ К ГЛАВНОМУ
КУПОЛУ БЫЛИ ПРИСТРОЕНЫ МАЛЫЕ КУПОЛА – ОТДЕЛЬНЫЕ
ЛАВКИ. ЗДЕСЬ СИДЕЛИ МЕНЯЛЫ, ПРОДАВЦЫ КНИГ, ЮВЕЛИРНЫХ
УКРАШЕНИЙ, ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ, КОВРОВ И ПУШНИНЫ

Завоевав Сибирь, Россия сразу принялась умягчать предприимчивых азиатов, предлагая им дружбу, защиту, гостеприимство и такие налоговые льготы, какими не обладали никакие русские купцы. Царь Фёдор Иоаннович в 1596 году своим указом разрешил бухарцам беспошлинный торг в Сибири; желающим здесь поселиться выделяли землю, освобождали от ясака и военной службы и даже позволяли без подорожных грамот передвигаться по стране и торговать в Уфе, Казани и Астрахани. Права и льготы бухарцев подтвердил Пётр I в указе от 15 марта 1701 года: «Никакими службами их не утеснять, чтобы к выезду в подданство впредь другим показать охоту».

Торговый купол Заргарон в Бухаре

Историки говорят, что в XVII веке в Сибири «книгу в руках держали только бухарцы». Они представляли более высокую культуру, нежели русские, и подчинялись более строгим обычаям: до конца XVIII века их женщины носили паранджу и жили в гаремах. Бухарцы первыми за Уралом начали открывать школы (mekteby) и на общественные деньги поддерживать сирот и бедняков. Они оплачивали абызов (священников), строили мечети и отправляли миссии к инородцам; ряды правоверных пополняли остяки и вогулы. Но все споры бухарцы решали деньгами, а не оружием.

В XVII веке они владели всей восточной торговлей. Из Сибири в Азию они везли сукно, пушнину, железо и моржовый клык, а взамен от калмыков гнали скот и рабов. Из Туркестана бухарцы экспортировали кожу, фрукты, посуду и одежду, а из Китая – ткани, фарфор, специи, чай и драгоценные камни. Хотя торг яхонтами и смарагдами был рискован: хитрые бухарцы славились искусством подделок. Они отливали из стекла драгоценные камни такого же вида, как в природе: с мусором, пятнами и разными включениями, – так что их трудно было отличить от подлинного «сырого» самоцвета.

Бухарцы в Сибири занимались не только торговлей, но и ремёслами. Они научили сибиряков изготавливать юфть – мягкую выделанную кожу. Из неё шили одежду, перчатки и дорогую обувь. От бухарцев тюменцы переняли ремесло длинноворсового ковра из коровьего волоса и эстетику орнаментов.

Но в середине XVIII века бухарцы начнут сдавать позиции. Государство ужесточит положение ислама, ограничит строительство мечетей и активность мусульманских проповедников. А бухарцы постепенно смешаются с татарами: они переженятся на татарках, примут татарский язык и образ жизни, и в XIX веке сложно уже будет отличить бухарца от татарина. К тому времени русские уже сами примутся торговать с Востоком, хотя им трудно будет конкурировать с бухарцами, ещё свободными от налогов. Поэтому азиатских купцов лишат льгот. Последние бухарские караваны придут в Тобольск в семидесятые годы XVIII века, а потом вовсе прекратят заходить в Россию, разгружаясь в пограничных крепостях на Иртыше.

Призрачное ханство *Попытки восстановления Сибирского ханства*

Хан Кучум отбросил на историю Сибири длинную и грозную тень.

Ермак взял Искер, столицу Сибирского ханства, но Кучум, сибирский хан, бежал с гаремом и остатками войска. Две голодные зимы дружина Ермака оборонялась в неприступном Искере. Кучум вылавливал Ермаковых атаманов по одному: погибли Иван Кольцо, Никита Пан и Богдан Брязга. Наконец, Кучум заманил в западню и сгубил самого Ермака. Тогда казаки оставили Искер и ушли. Однако вернуться в свою столицу Кучум не смог. Искер занял хан Сейдяк, а потом русские построили Тобольск.

Кучум «казаковал на поле», не теряя надежду отбить свой престол. Угроза Кучума действовала русским на нервы. В 1590 году князь Владимир Кольцов-Мосальский, первый тобольский воевода, двинулся с ратью на реку Ишим, где расположился Кучум, и разгромил хана. В плен попали две жены, брат и сын хана, а Кучум сумел уйти. Впрочем, как у всякого восточного владыки, у него было много жён и детей, и потери в семье его не смущали. Смущало то, что он начал слепнуть. Борис Годунов отправил непокорному хану послание, уговаривая сдаться и обещая удел в Московском царстве, но гордый Кучум отказался и лишь попросил Годунова прислать ему очки.

«В диком величии своём», как писал сибирский историк Павел Небольсин, Кучум рыскал по щедрой Барабинской степи в междуречье Иртыша и Оби. В 1598 году тобольский воевода Ефим Бутурлин снова повёл казачью дружину на Кучума и снова разгромил его. Погибли брат, сын и два внука Кучума, в плен попали пять сыновей, восемь жён и восемь дочерей. В спелые травы Барабы легли три сотни защитников Кучума – почти всё его воинство, но сам хан опять вырвался и умчался с тремя десятками всадников.

Однако он уже потерял поддержку сибирских татар. Татары видели, кто сильнее, и понимали, что нет смысла помогать проигравшему. Кучум теперь – просто разбойник, который всем мешает жить. Обнищав, он угнал скот у калмыков, и калмыки тоже побили его отряд. Хан кинулся искать подмоги у ногайцев, но уже всем надоел, и свои же воины удавили его тетивой лука. У степняков это была почётная казнь. Кучум погиб в 1601 году.

Но остались его сыновья. Они кочевали по Тургайским и Барабинским степям, вступали в сговоры с калмыками и ногайцами и нападали на русские пограничные крепости – Тюмень и Тару. После Кучума сибирским ханом провозгласил себя его сын Али, а после смерти Али (в 1616 году) ханом стал другой сын Кучума – Ишим. Сибирское ханство превратилось в грозный призрак, летающий по степи. Когда русские власти притесняли татар, сразу начинали звучать угрозы, что татары восстановят «Царство Кучума».

Последним из неукротимых кучумовичей оказался Девлет-Гирей, внук легендарного хана. Имя его прогремело на русских границах в тридцатых годах XVII века. Своё войско у Девлет-Гирея было маленьким и никак не хотело увеличиваться – сибирские татары не бежали под его руку, чтобы восстать против русского владычества, и Девлет-Гирей опирался на калмыков, которые нападали на кого угодно, была бы выгода. Девлет-Гирей породнился с могучим тайшой Хо-Орлюком, отдав ему в жёны свою сестру.

Три десятилетия Девлет-Гирей рыскал по Барабинским и Тургайским степям, время от времени нападая на остроги и слободы. Он не раз осаждал Тару, крутился вокруг Тюмени, налетал на Катайский, Шадринский и Тарханский остроги, разорял селения по Тоболу и Исети. Он угонял скот, грабил купеческие караваны, утаскивал людей в рабство. Он сжёг Далматов монастырь и перебил монахов, а сам старец Далмат спасся только чудом. Тобольские власти отправляли отряды в походы возмездия, но Девлет-Гирею везло: то казаки блу-

дили по лесам, то бунтовали против своих командиров. Бывало, что Девлет-Гирей и сам давал жёсткий отпор противнику.

Но он был непоследователен. Он писал письма русским царям: сперва обещал полную покорность, а потом начинал торговаться, требуя вернуть себе Сибирское ханство или какой-нибудь улус. В 1650 году царь всё-таки прислал послов, чтобы договориться с Девлет-Гиреем о мире, однако Девлет внезапно взбрыкнул: глумясь, он долго держал послов без ответа и едва не заморил голодом, выдавая на всех по одному барану в месяц.

Последний шанс выпал Девлет-Гирею в 1662 году. Батыр Сары Мерген поднял башкир на бунт и объявил, что создаёт Башкирское ханство. Девлет тотчас тоже объявил, что возрождает Сибирское ханство. Он ринулся на Урал: ударил по Арамашевской слободе и Невьянскому монастырю. Девлета поддержали северные инородцы, самоеды и остяки. Князь Ермак Мамруков пожелал стать властелином Нижнего Приобья и вассалом Сибирского хана Девлета. Ермак собрал ополчение, сжёг русские зимовья и заставы и готовился идти войной на Берёзов. Но берёзовский воевода Давыдов выслал против Ермака отряд, захватил князя и его приспешников в плен и всех повесил. А русские войска к 1664 году подавили башкирский бунт.

После этих бурных событий Девлет-Гирей пропал. Никто о нём больше ничего не слышал. Исторический порох выдохся, и степные ветра развеяли призрак Сибирского ханства без следа.

Город в тайге *История Тюмени*

Тюмень началась с древнего татарского города Чинги-Тура. Считается, что его основал сибирский хан Тайбуга. Неизвестно, кем был легендарный Тайбуга, и что связывало его с монголами, но он покорил для монголов народы Иртыша и Оби, создал Тюменское ханство и построил на реке Туре, притоке Тобола, свою столицу, которую в честь Чингисхана назвал Чинги-Турой. Место у столицы оказалось стратегически важным: Тобол, Иртыш и Обь связывали таёжную Чинги-Туру с Великой Тундрой и Великой Степью.

В конце XIV века власть в Тюменском ханстве захватил хан Тохтамыш, тот самый, что в 1382 году сжёг Москву. В конце жизни Тохтамыш, разгромленный Тамерланом, бежал из Поволжья и укрылся в Чинги-Туре, но темник Едигей и хан Чогре нашли его даже в далёкой Сибири. В 1406 году ордынские татары разгромили тюменских и убили Тохтамыша.

Высший взлёт Чинги-Туры случился в XV веке. В городе стояли дома из сырцового кирпича, бревенчатые караван-сарай, мечети с минаретами выше елей и целые улицы юрт с конскими бунчуками. Хан Ибак чеканил тут серебряные дирхемы и набивал сундуки пушминой. Но Ибака отравили, и власть перешла хану Мухаммеду, а он перенёс столицу Тюменского ханства в город Искер на Иртыше. Чинги-Тура начала умирать. За сто лет постройки покосились и заросли травой, валы размыло весенними ливнями, а лёгкие юрты перекочевали в новую столицу. И Ермак взял этот город без всякого сопротивления. Может быть, к этому времени здесь вообще никто и не жил.

ТЮМЕНЬ ОБОГНАЛА В РАЗВИТИИ ТОБОЛЬСК В КОНЦЕ XIX ВЕКА. СТОЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ ТОБОЛЬСКА ПОТЕРПЕЛИ КРАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, КОГДА ЧЕРЕЗ ТЮМЕНЬ ПРОШЛА ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. ОТКРЫТИЕ НЕФТИ В ПРИОБЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА ПРИДАЛО ТЮМЕНИ НОВЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ, НО РАСЦВЕТА ГОРОД ДОСТИГ УЖЕ В XXI ВЕКЕ, КОГДА ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК НЕФТИ И ГАЗА

Бывший разбойник добыл для Руси бесценный дар: пушную, рыбную и моржовую Сибирь. Однако после гибели атамана появилась опасность, что русская власть потеряет контроль над новыми богатейшими территориями. И в январе 1586 года царь Фёдор Иоаннович срочно направил в Сибирь отряд в триста казаков и стрельцов под началом воевод Василия Сукина, Ивана Мясного и письменного головы Данилы Чулкова. Летом воеводы пришли на Туру и принялись возводить первый острог для охраны восточных границ.

Тюмень

Русские не стали возрождать Чинги-Туру; они понимали, что земли в Сибири не перемерить, а строить новое всегда проще, чем латать старое. Для крепости воеводы выбрали место возле пустыря Чинги-Туры на просторном мысу; с запада мыс был ограничен оврагами и речкой Тюменкой, а с востока – крутым берегом Туры. Казаки и стрельцы вырубili лес, соорудили частокол, с южной неприкрытой стороны мыса выкопали ров и насыпали вал. Острог получил восемь башен. За стенами стояли воеводский двор, съезжая и караульные избы, хлебные амбары и две церкви. Городок назвали Тюменью. По времени основания это был первый русский город в Сибири, но по значению – второй: главной магистралью освоения Сибири был Иртыш, а его стерёг Тобольск. Тюмень же охраняла дорогу из Москвы и потому стала перевалочным пунктом: речной пристанью и верфью.

Сначала город заселили служилыми, но слухи о сибирских богатствах быстро распространялись по России, и в Тюмень потянулись гулящие люди из Чердыни, Сольвычегодска и Великого Устюга. Город разрастался.

В 1596 году налаживать торг с новыми жителями Чинги-Туры прибыли бухарцы – торговцы из Средней Азии. К городу подошёл нарядный караван: азиаты в диковинных одеждах вели невиданных двугорбых животных с цветными попонами и огромными тюками на боках. Купцов охранял большой конный отряд; воины, вооружённые луками и кривыми саблями, носили разноцветные стёганые халаты и кожаные сапоги с острыми, задранными вверх носками. Тюменский воевода Долгорукий обрадовался каравану, но, соблюдая военную осторожность, в город купцов не пустил, а выделил им место на высоком берегу за Турой. Так в Тюмени появилась Бухарская слобода с юртами, лавками и собственной мечетью.

Вскоре в Тюмени появились ещё две слободы. В 1601 году из России прислали «охотников», которые занимались ямской гоньбой, и они основали Ямскую слободу. А через двадцать лет в город пришли кожевенники из Устюга. Выделка кожи была делом специфическим, с запахом и ядовитыми отходами, она требовала проточной воды, поэтому мастера всегда селились особняком. Кожевенную слободу построили за Турой чуть ниже Бухарской.

Для пушного обережения в 1608 году город с двух сторон прикрыли монастырями-крепостями. Преображенский мужской монастырь поставили на мысу у Ямской слободы, а на противоположном конце города возвели женский монастырь (сейчас он Успенский).

Структура города получилась прочной и правильной: монастырь – кремль – посады – монастырь. Центром была торговая площадь у крепостной Спасской башни. Здесь стояли

две церкви, таможня, кружало и богадельня. Всё селение опоясывала линия бревенчатых стен и башен.

В середине XVII века в Тюмени было уже девять церквей, гостиный двор «на погребках», таможенная изба «на амбарах», двор митрополита и тюрьма. Через посады и кремль проходил Московский тракт, вдоль которого и тянулись подворья. Путешественников изумлял гигантский многоярусный бревенчатый мост через глубокий овраг речки Тюменки. В начале XVIII века в Тюмени жили три тысячи человек. Тюмень считалась большим городом.

В 1700 году воевода Осип Тухачевский начал каменное строительство. Он заложил амбары и Благовещенский собор. В 1702 году из Тобольска прибыли зодчий Фёдор Чайка и каменщик Кирилл Шадрин; они достроили амбары и возвели основную часть собора, а потом вернулись в Тобольск. Собор тюменцы доделали уже своими силами. Это был первый в Сибири храм «кораблём»: высокий подклет, мощный барабан о восьми гранях, купол с рёбрами и четыре малых главы по углам. Собор был пёстрый и радостный: красный кирпич, резные украшения из белого камня, полосатые маковки, черепичные кровли «в косую клетку». Но в 1705 году страшный пожар уничтожил всю Тюмень, уцелели только собор и острог, и воевода Данила Копьёв отстроил город заново.

Самый упрямый Деятельность Ерофея Хабарова

Из всех землепроходцев самым неукротимым и самым деятельным был, пожалуй, Ерофей Хабаров. В его судьбе – «сила и слава» землепроходцев, «блеск и нищета» их дерзкого и свободного промысла.

Город Великий Устюг породил трёх титанов «сибирской конкисты»: Ерофея Хабарова, Семёна Дежнёва и Владимира Атласова. Устюг принялся подсчитывать сибирские барыши уже в начале XVII века. Через этот город шли караваны из «златокипящей» Мангазеи. Исхлестанные северными ветрами, суровые краснорожие купцы вели по улицам длинные обозы, нагруженные тюками, и не обращали внимания, что их драгоценные длиннополые шубы загибают на дороге снег и грязь. Мальчишки, галдя, бегали вдоль обозов, надеясь на какое-нибудь копеечное поручение от пушных владык. Мужики толпились по обочинам, на глазок прикидывая доходы таёжных воротил.

Устюжан волновали слухи, что через Мангазейскую таможенную проходится в год столько шкурок, что их цена перекрывает годовую прибыль всего царского двора, а каждый вложенный в пушной промысел рубль даёт аж 32 рубля прибыли. Устюг был растревожен надеждой на фарт. Крестьяне бросали пашни и подражались на извоз к сибирским купцам или целыми семьями отправлялись за Камень добывать соболя и горностая.

Крестьянский сын Ерофей Хабаров тоже верил в несметные богатства Сибири. В двадцать лет он оставил на отцовское попечение жену и дочь и отправился за удачей. В помощники он взял младшего брата Никифора.

Хабаров был по натуре лидером. Он имел свой план. Он знал, что парой рук ничего не добьётся, и организовал артель. В 1629 году в Тобольске братья наняли пятерых работников и двинулись в Заполярье – на Таймыр. Никифор с мужиками исчез в тёмном мороке тундры, а хитрый Ерофей остался в Хетском зимовье работником на таможене. И через год, когда артель Никифора вернулась, таможенник Ерофей проследил, чтобы своя добыча не превратилась в чужую выгоду. Братья привезли в Тобольск 320 соболей.

В это время мангазейский воевода Палицын задумал основать ещё одну «Мангазею»; он предложил царю послать на реку Лену охочих людей, чтобы стреляли там зверя, собирали ясак и ставили новые остроги. Азартный Хабаров сразу написал челобитную с просьбой отправить его на Лену.

На этот раз он нанял уже 27 работников и добился помощи от казны. В 1632 году он добрался до Усть-Кутского острога. Несколько лет артель Хабарова промышляла вдоль Лены и её притоков. Однако прибыльное место пусто не бывает: фарт Хабарова привлекал толпы промышленников, Усть-Кут разрастался, и вскоре промысел лишился прежних барышей.

Памятник Ерофею Хабарову в Великом Устюге

Но Хабаров был настоящим бизнесменом. Раньше многих прочих он понял, что Сибирь жива не пушниной единой, и придумал себе новое дело. Для выделки пушнины требовалась соль. Неподалёку от Усть-Кута Хабаров обнаружил соляное месторождение и

построил варницы. К 1639 году артель Ерофея обеспечивала солью все окрестные остроги и город Якутск. Простой устюжский крестьянин превратился в магната. Его работники варили соль, возили товары через Ленский волок, ловили рыбу и растили хлеб. Хабаров стал крупнейшим хлеботорговцем в Якутском уезде; он планировал собирать по тысяче пудов хлеба в год, чтобы обеспечивать главные рынки Сибири. А ещё Ерофей занялся изучением бассейна Лены и составил лоцию.

Но замыслам Хабарова помешали якутские воеводы Головин и Глебов. Они отобрали у Хабарова пашенные земли и соляные варницы, в казну были отписаны 3000 пудов Ерофеева хлеба. Хабаров потерял почти всё. Но он не опустил рук. В 1641 году упрямый Хабаров ушёл от Якутска на тысячу вёрст и на реке Киренге (притоке Лены) основал селение, которое потом назовут Хабаровкой. Здесь Ерофей завёл мельницу и начал бизнес заново.

ГОРОД ВЕЛИКИЙ УСТЮГ СТОИТ НА СЛИЯНИИ РЕК СУХОНЫ И ЮГ, У ИСТОКОВ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ. ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ К БЕЛОМУ МОРЮ ПРОЛЕГАЛ ГЛАВНЫЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ РОССИИ В ЕВРОПУ, А ГЛАВНЫМ ТОВАРОМ БЫЛА ПУШНИНА. ПОЭТОМУ МНОГИЕ ВОЛЬНЫЕ И ПРЕДПРИИМЧИВЫЕ ЖИТЕЛИ УСТЮГА УСТРЕМЛЯЛИСЬ НА ВОСТОК, В СИБИРЬ – К ПУШНОМУ ПРОМЫСЛУ, КОТОРЫЙ ПРИНОСИЛ МАКСИМАЛЬНЫЙ ДОХОД. И ВКЛАД УСТЮЖАН В ОСВОЕНИЕ СИБИРИ ПРЕВОСХОДИТ ВКЛАДЫ ВСЕХ ДРУГИХ ГОРОДОВ РОССИИ

Якутские воеводы не оставили Хабарова в покое – слишком сильный конкурент. У него был огромный авторитет, и сибиряки охотно нанимались к нему в работу под любое начинание. Воеводы изыскивали способ прижать Хабарова. В 1643 году он отказался платить лишние подати в казну, и воеводы снова отобрали у него всё имущество. Самого Хабарова без суда и следствия бросили в Якутске в тюрьму, и он просидел там два с половиной года.

В 1858 ГОДУ В ГОРОДЕ АЙГУНЬ РОССИЯ И КИТАЙ ЗАКЛЮЧИЛИ ДОГОВОР, ПО КОТОРОМУ ЛЕВЫЙ БЕРЕГ АМУРА ОТХОДИЛ РОССИИ. НА НОВООБРЕТЁННОЙ ТЕРРИТОРИИ, КАК РАЗ НАПРОТИВ АЙГУНЯ, СОЛДАТАМИ БЫЛ ОСНОВАН ЛИНЕЙНЫЙ ПОСТ – ПОГРАНИЧНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ. В ЧЕСТЬ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА ЕГО НАЗВАЛИ ХАБАРОВКОЙ. С ЭТОГО ПОСЕЛЕНИЯ И НАЧАЛСЯ ГОРОД, УВЕКОВЕЧИВШИЙ ИМЯ СТАРИННОГО ЗЕМЛЕПРОХОДЦА

Он вышел на волю худой, измученный, но несломленный. Он вернулся на Киренгу и за четыре года выправил свой бизнес: нанял работников и приказчика и построил другую мельницу. Но он понимал, что богатеть подле якутских воевод – всё равно что курить на бочке с порохом. В это время Сибирь полнилась слухами о далёкой стране Даурии и большой рыбной реке Амур. В светлых лесах там несметно соболей, а на тёплых пашнях – тяжёлые золотые колосья; там растут арбузы, на кедрах висят лианы, а в зарослях дикого винограда бродят тигры. Экспедиция Пояркова подтвердила слухи о благодатной земле. И Хабаров опять услышал зов свободы и фарта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.